

Бесѣда.—Текущая жизнь.—На помощь
семьѣ и школѣ.—Обо всемъ.

Май-Іюнь.

1910 г.

БЕСѢДА.

ЖИВЫЕ УРОКИ.

I.

На похоронныя деньги.

Это было тогда, когда я еще учился въ гимназiи.

И этого я не забылъ до сихъ поръ, хотя все случилось не со мною, а лишь при мнѣ.

Но все сильно врѣзалось въ память. Пожалуй, правильнѣе сказать: въ сердце. Потому такъ и сохранила память, что врѣзалось въ сердце.

Исторiя такова.

Онъ былъ курсистъ, т.-е. кончилъ педагогическіе курсы въ губернскомъ городѣ. Тогда эти курсы, существовавшіе недолго, замѣняли собою учительскую семинарiю.

Онъ кончилъ „курсы“, получилъ право быть сельскимъ учителемъ.

Болѣе мѣсяца онъ „штался“, перебиваясь кое-какъ грошевой работишкой, чтобы не умереть съ голоду.

Весь пообносился, и даже сапоги превратились въ „насосы“, — какъ выражался молодой человѣкъ, бывшій большимъ юмористомъ.

Несмотря на нужду, онъ острилъ и самъ смѣялся надъ своимъ положеніемъ, говоря, что оно „хуже губернаторскаго“.

— Отчего у тебя хлюпаютъ сапоги?

— Да, братъ, насосы они теперь... Видишь, набрали воды... ха, ха, ха!

— Простудишься!

— Э, привыкъ!.. Богъ не выдастъ... и хворь не возьметъ!

Въ одинъ изъ „прекрасныхъ дней“ — такъ принято выражаться — позвали молодого человѣка къ инспектору училищъ и сказали:

— Для васъ есть мѣсто.

— Гдѣ?

— Въ N-омъ. Отсюда 500 верстъ.

— Когда же отправляться?

— Немедленно.

— Я безъ денегъ. Не могу ли я просить васъ...

— У насъ нѣтъ для этого особыхъ суммъ.

— Могу я обратиться въ земскую управу?

— Конечно.

— Въ здѣшнюю?

— Гм! Это... вопросъ. Вы будете учителемъ не въ здѣшнемъ уѣздѣ. Но попробуйте!

Молодой человѣкъ „попробовалъ“. Его выслушали и сказали:

— Это насъ не касается. Ваша школа не въ нашемъ уѣздѣ. Да и вообще авансы не выдаются.

— Какъ же быть? Мнѣ не на что ѣхать. Я могу потерять мѣсто.

Пожали плечами и добавили:

— Толкнитесь въ губернскую управу.

Толкнулся. То же самое:

— Это не наше дѣло. Не имѣемъ и пр., и пр.

Молодой человѣкъ попросилъ лично у секретаря.

— Я васъ не знаю.

— Я дамъ записку и право на удержаніе...

— У меня и лишнихъ нѣтъ... Да это и не мое дѣло.
Обратитесь къ предсѣдателю.

Къ предсѣдателю молодой человѣкъ не посмѣлъ обратиться.
Явился учитель въ своихъ насосахъ ко мнѣ.

— Скверно, братецъ!

— А что такое?

— Мѣсто получилъ. А ѣхать не на что.

И рассказалъ о всѣхъ своихъ неудачахъ.

У меня былъ рубль всего.

— Какъ же быть? Давай гадать!

— И гадать нечего... У кого возьмешь?.. И такъ долженъ еще здѣсь.

Вышелъ я зачѣмъ-то въ кухню. У кухарки нашей сидѣла въ гостяхъ и пила чай „старуха Марковна“ — такъ ее всѣ звали... Старая-престарая. Сама она не помнила, сколько ей лѣтъ. Была она когда-то дьячихой, потомъ просфоры пекла, потомъ чѣмъ-то еще занималась, а теперь „уже въ ожиданіи“, какъ выражалась сама, усмѣхаясь своимъ беззубымъ ртомъ.

— Въ ожиданіи, батюшка, смертушки жиру. Пока Господь по душеньку не пошлетъ... двигаюсь.

Кухарка меня спросила:

— Чаю не хочешь ли?

— У меня гость тоже...

— Это... кудластый-то... въ „насосахъ“?

— Да... у него горе!

— Что такое... не насосы ли развалились?

— Нѣтъ еще... а ѣхать надо...

— Куда это ему ѣхать?

— Мѣсто вышло... 500 верстъ ѣхать, а денегъ нѣтъ.

— Подъемныя дадутъ.

— Не дадутъ... не чиновникъ... земская служба...

— Все равно надо дать!

— Да вотъ не даютъ...

— Такъ какъ же онъ?

— Можетъ лишиться мѣста...

Марковна была немножко приглуховата. Она смотрѣла на насъ слезящимися глазами и прислушивалась. Уловила она слова: „лишиться мѣста“.

— Кто это, батюшка, мѣста лишится? а?

— Кудластый тутъ... учитель! — крикнула кухарка.

— Кудластый, говоришь? а за что? Въ чемъ попался?

— Ни въ чемъ... Еще и не служилъ...

— Не возьму въ толкъ...

Она поставила чашку на столъ и обтерла губы кончикомъ головного платка.

— Какое же такое дѣло?..

— Ъхать не на что, бабушка! — сказалъ я. — На дорогу нѣтъ денегъ. У кого ни просилъ, не дають...

— Экое горе!.. Да нешто много надо?

— Не знаю...

— Чать, рублевъ двадцать — не меньше, — сказала кухарка...

— У-у... сколько! Да, вѣдь, другому это... тѣфу просто!.. Вотъ ежели... у Бочесина... богачъ!

— Да, сунься-ка! Задавится... а не дастъ. Вонъ сенклетарь-то что сказалъ: не мое дѣло!

— Какъ не ево? — удивленно промолвила Марковна. — Да онъ крещеный аль нѣтъ?

— Должно, крестили! — усмѣхнувшись, отвѣтила кухарка.

— Ну, стало... какъ же: не ево дѣло?

— Да денегъ нѣтъ! — сказалъ я.

— У сенклетаря-то? Полно тебѣ!

Марковна и рукой даже махнула.

— Да онъ въ вечеръ по двѣ красенькихъ проигрываетъ...

Она поправила головной платокъ, посмотрѣла на меня и добавила:

— Гдѣ онъ... этотъ... какъ его: кудластый, что ли?

— У меня сидитъ!

— Ну-ка, пошли ево сюды.

— А ты что...

— Да пошли, говорю...

Я побѣждалъ и сказалъ пріятелю, что его зоветъ Марковна.

— Зачѣмъ я ей?

— Не знаю... говорить: пошли его!

Мы отправились съ учителемъ на кухню.

— У, и въ самомъ дѣлѣ, кудластый!

Марковна усмѣхнулась и, обратясь къ пріятелю, добавила:

— Что, батюшка, не на что ѣхать-то?

— Не на что!

— Такъ, такъ... а сколько же тебѣ требуется?

— Да... двѣ красненькихъ надо бы... пока лодки ходять, можно за десятку добратся и съ харчами... Ну, тутъ... на другое — прочее... Вонъ насосы...

— А ты... отдашь?

— Кому?

— Да кто бы тебѣ далъ займы?

— Конечно, отдамъ... Не сразу... а по половинкѣ... въ мѣсяць... Жалованье — 22 рубля. Ну, на двѣнадцать промажусь, какъ-ни-какъ...

Старуха посмотрѣла на молодого человѣка и сказала:

— Ну, что же, родной... я тебя ссужу!

Пріятель изумился.

Изумилась и кухарка.

— Да ты, Марковна, что это: али... миллионерша? а?

— Куды... тамъ... А на смертный часъ отложено пятьдесятъ рублей... не трогаю... Коли такое дѣло... какъ же быть-то? Не лишаться же мѣста...

— Ну, Марковна!

— Чего ты... а ты, родной, не обмани... не оставь меня безъ погребенія... какъ слѣдуетъ... Деньги послѣднія... похоронныя...

На другой день учитель получилъ двадцать рублей и уѣхалъ.

— Гдѣ не ожидалъ — тамъ получилъ.

Онъ добавилъ:

— Въ ноги не грѣхъ поклониться старухѣ... не за что иное какъ за ея любовь... христіанскую... Да вѣдь что: и просто-то все какъ... Не знаетъ меня... а со слова... довѣріе какое!.. И благодарить не велитъ: это, говоритъ, такъ и надо: другъ за друга... а Богъ за всѣхъ!

„Похоронныя деньги“ спасли учителя. Онъ не обманулъ старухи. Когда пріятель уѣхалъ, кухарка, смѣясь, сказала Марковнѣ:

— Ты, стало, теперь должна жить, покамѣстъ кудластый не вернетъ долга... а то на что тебя хоронить-то?

— Поживу, какъ Богу угодно! — отвѣтила Марковна.

Деньги „кудрястый“ вернулъ, а старуха еще жила лѣтъ пять послѣ этого...

Съ бывшимъ пріятелемъ я встрѣтился прошлымъ лѣтомъ; вспомнили Марковну.

— О, я всегда, какъ бываю въ В., на могилку хожу... Это, братъ, была... христіанка! Мало говорила, мало читала, а Бога, Христа-то, въ себѣ имѣла... Богъ-то не въ углу былъ у ней... а въ сердцѣ!

Да, это вѣрно!

Мало имѣть Бога (икону) въ углу. Надо имѣть Его въ сердцѣ.

II.

„Равнодушный“.

Онъ зашелъ ко мнѣ уже въ сумеркахъ.

Павель Никандровичъ Лебединскій учился вмѣстѣ со мною въ гимназіи. Учился онъ хорошо, хотя не шелъ въ первомъ разрядѣ, а получалъ отмѣтки только удовлетворительныя. Впереди шли зубряжки, „чистенькіе“, какъ звали мы ихъ. Они прекрасно знали учебникъ и... только. Что „сверхъ того“ — то отъ „лукаваго“ было для нихъ. Зачѣмъ „сверхъ“? „Сверхъ“ не требовалось, а самимъ это и не надо, не было умственной жажды знать „сверхъ“. Знали учебникъ и... получали пятки, даже съ плюсомъ. Этотъ плюсъ былъ для нихъ важнѣе „знанія“. Одинъ „первачъ“, получивши за отвѣтъ только 5, а не 5 съ плюсомъ, цѣлый день плакалъ. Онъ не могъ перенести отсутствіе плюса. А мы его нарочно дразнили:

— Безъ крестика?

— Безъ Георгія?

И онъ успокоился только тогда, когда черезъ два дня получилъ пять съ плюсомъ.

А мы опять:

— Съ орденомъ честь имѣемъ поздравить!

— Съ отличіемъ!

И онъ улыбался. *Эта шутка* ему была по сердцу.

Лебединскій не былъ изъ таковыхъ. Онъ *хотѣлъ* знать и зналъ все основательно. Случаясь, что изъ четырехъ

предметовъ онъ приготовлялъ только два. На другіе два въ этотъ день не хватало времени. Училъ онъ урокъ по учебнику исторіи. Но его заинтересовывало, и онъ, не ограничиваясь сухими страничками учебника, читалъ объ этомъ же самомъ въ разныхъ книгахъ. Онъ читалъ и Соловьева, и Костомарова, и Бестужева и постоянно рылся въ журналахъ. Онъ прочелъ Реклю, тогда какъ всѣ почти дальше смирновской географіи не интересовались.

Лебединскій получалъ только удовлетворительныя отмѣтки, но зналъ такъ, что мы всѣ его заслушивались. Онъ любилъ дѣлиться тѣмъ, что зналъ. Говорилъ онъ медленно, не очень красиво, но дѣльно, и часто даже „по-своему“ освѣщаль факты.

Мы его прозвали профессоромъ, ученымъ.

Обыкновенно такъ и говорили:

— Ты былъ у профессора?

И спрашиваемый зналъ, о комъ рѣчь.

Или:

— А я вчера просидѣлъ долго у профессора.

И всѣ знали, что это значить: у Лебединскаго, или, какъ говорили мы, у Павликія Лебединскаго.

Часто мы спрашивали у него:

— Павликій, ты въ ученые ладишь?

А онъ:

— Хочется знать... и читаю. При чемъ тутъ ученость?

— Но ты пойдешь въ профессора?

— Развѣ непременно надо быть профессоромъ?

— Но ты много знаешь... и любишь науки.

— А что же изъ этого?

— Да тогда значить...

А онъ перебивалъ:

— Ничего не значить... Если я знаю... что изъ этого слѣдуетъ прежде всего?

Мы молчали.

А онъ продолжалъ:

— Если я много знаю, то вѣдь многіе ничего не знаютъ.

Правда?

— Правда.

— А знать должны всѣ... *незнаекъ* не должно быть. Гдѣ много *незнаекъ* — тамъ тѣма, тамъ темная жизнь.

— Но если ты...

— Но если я знаю... то я обязанъ своими знаніями дѣлиться... чтобы и другіе знали.

— Вотъ ты и будешь дѣлиться, когда станешь профессоромъ.

— Дѣлиться можно и не бывши профессоромъ... Всѣ должны дѣлиться. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ скряга, тотъ преступникъ, ибо не дѣлится, когда кругомъ много голодныхъ. Если у тебя много хлѣба, а другіе умираютъ безъ пищи съ голода — ты обязанъ удѣлить имъ отъ своего хлѣба.

— Конечно.

— Знаніе—тотъ же хлѣбъ. Онъ также нуженъ, ибо есть не только физическій, но и умственный голодъ.

— Э, ты, братъ, философъ, Павликій! — сказалъ кто-то.

И съ этого дня Павликія Лебединскаго стали звать профессоромъ-философомъ.

На выпускномъ экзаменѣ онъ написалъ такое сочиненіе, что привелъ въ удивленіе учителей.

— Однако, какъ вы много знаете, Лебединскій, — сказалъ учитель исторіи Окуневъ, — вы много читали?

— Да, читалъ.

— И не только читали, а и много и *хорошо* думали. Вы пойдете, разумѣется, въ университетъ?

— Да.

Онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ.

Павелъ Никандровичъ, или прежній Павликій Лебединскій, и здѣсь работалъ много. Лекціи были только, такъ сказать, конспектомъ. Онъ читалъ и „хорошо“ думалъ. Онъ изучилъ три языка: нѣмецкій, англійскій и французскій. Нѣмецкій и французскій онъ немного зналъ и въ гимназіи, но теперь изучилъ основательно: читалъ и изучалъ практически, для чего сначала жилъ въ семьѣ француза-инженера, а потомъ въ семьѣ нѣмца-учителя.

Лебединскій почти никуда не ходилъ. Болтовни онъ не любилъ, а „политикой“ не интересовался.

— Я въ посланники не собираюсь и „дѣлать исторію“ не предполагаю,— говорилъ онъ.

— Но...

Онъ сейчасъ же перебивалъ:

— Законы отъ людей... Надо, чтобы мы сами стали умнѣе, лучше... тогда и все будетъ лучше... *Здѣсь* мы учимся... какая тутъ политика, когда для знанія мало времени. А невѣжды что могутъ судить и создавать?.. Надо лучше хорошенько изучить политическую экономію, чѣмъ кричать объ устройствѣ рабочихъ... Горло дерутъ тѣ, у кого въ головѣ пусто, и болтаютъ о политикѣ именно тѣ, которымъ настоящая наука скучна. Надо рыться, работать, а тутъ кури папиросу да ори... Я не хочу итти этой дорогой! Оставьте меня!

Онъ говорилъ спокойно, но рѣшительно.

Его назвали „отпѣтымъ“, „книгоѣдомъ“. Теперь, пожалуй бы, назвали его черносотенцемъ. Но тогда этого глупаго слова еще не было въ обиходѣ.

Его оставили въ покоѣ.

— Онъ равнодушенъ къ жизни... онъ буквоѣдъ, — сказалъ одинъ изъ политиковъ, любившихъ въ табачномъ дыму разглагольствовать объ устройствѣ быта рабочихъ и пр. и пр.

Лебединскій кончилъ университетъ.

— Ты куда?

— Я еще буду учиться...

И онъ уѣхалъ за границу.

Прошли годы.

И вотъ въ сумерки ко мнѣ зашелъ Лебединскій.

Именно ужъ Павелъ Никандровичъ, а не Павликій. Онъ былъ старше своихъ лѣтъ, худъ и сутуловатъ. Та же медленная, не блестящая, но умная, дѣльная и убѣдительная рѣчь.

Я былъ радъ ему. Но и упрекнулъ:

— Отчего не писалъ?

— А зачѣмъ? Переписываться *просто*, это, извини, глупо... Дѣла не было... Я кое-что о тебѣ зналъ... Даже одну вещицу прочелъ случайно.

— Случайно?

— Да, другъ. При работѣ некогда было читать журналовъ. Но вотъ ѣхалъ изъ Берлина и дорогой купилъ газету. Гляжу—твой этюдъ въ фелъетонѣ. Прочелъ.

— И что жъ?

— Не дурно... Я не изъ дружбы говорю. И формы я не касаюсь. Это не мое дѣло. А мысль вѣрна: отъ насъ ждетъ работы и службы родина. Мы ея должники, и во всемъ сдѣланномъ намъ придется представить отчетъ Богу. Вѣрно?

— Ты вѣрующій?

— Я христіанинъ.

— Куда же ѣдешь?

— На родину.

— Неужели въ учителя гимназіи?

— Въ учителя, но не гимназіи...

Я молча глядѣлъ на него.

— Я открываю свою школу.

— Гдѣ?

— Въ селѣ. Тамъ всего болѣе нуженъ свѣтъ. Рачинскаго знаешь?

— Да.

— Какъ смотришь на него?

— Я его уважаю.

— За идеи? Но онъ сдѣлалъ одно великое дѣло: оставилъ кафедру и ушелъ въ деревню. О, если бы въ деревню пошли многіе Рачинскіе—равные ему по знанію, по духу, по любви!.. Тогда бы проникъ истинный свѣтъ въ деревню. Свѣтъ знанія и свѣтъ вѣры.

Мы заговорили о прошломъ. Коснулись товарищей.

— О Букинѣ слышалъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. А кѣмъ онъ?

— Адвокатъ.

— Имѣетъ успѣхъ?

— Не только успѣхъ!

— А и капиталы?

— И не маленькіе... Здѣсь свой домъ. А ты помнишь, какъ онъ разглагольствовалъ въ дыму табачномъ о рабочихъ, о буржуазіи... о капиталахъ?

— Помню!

— Гдѣ теперъ рѣчи?

— Онъ говоритъ краснорѣчиво въ судѣ.

— Ба! Вспомнилъ! Это онъ защищалъ купца Ермолкина, обобравашаго сиротъ и прижимавшаго рабочихъ?

— Онъ!

— Великолѣпно! Политика на университетской скамьѣ и... буржуазное благополучіе въ жизни. Видаешь его?

— Рѣдко. Онъ постоянно въ клубѣ...

— Играетъ?

— Сильно!

— Ха, ха! Это трепетное отношеніе къ общественной жизни...

— Да, а тебя онъ звалъ равнодушнымъ...

Лебединскій махнулъ рукою.

— Ну его!.. Развѣ онъ одинъ такой?

Мы еще поговорили кое о чемъ.

Прощаясь, онъ сказалъ:

— Если будетъ *нужно* — напишу, а *такъ* писать — не стану, не сердись. Это мое правило.

Онъ ушелъ. Я задумался.

Да, если бы побольше было *такихъ равнодушныхъ* и поменьше политиковъ въ родѣ Букина.

Я вспомнилъ о томъ, что было давно.

Лебединскій работалъ десять лѣтъ. Тяжело заболѣвъ, онъ уѣхалъ на югъ отдохнуть и полечиться. Когда онъ вернется — не знаю. Слышалъ, что ему — лучше. *Тамъ*, гдѣ онъ работалъ, о немъ помнятъ и ждуть его. Его полюбили. Крестьяне говорятъ:

— Золотая головушка и человекъ справедливый... Какъ учить, такъ и жить. Правильный человекъ.

А священникъ писалъ мнѣ:

— Ученый человекъ, и вѣрующій, и по жизни — истинный христианинъ. Не соблазнитель — вотъ въ чемъ его заслуга. А какой работникъ... мало такихъ видѣлъ! Дай Богъ ему исцѣлиться отъ недуговъ!

Въ тотъ самый день, когда я это читалъ въ письмѣ священника о „равнодушномъ“, я встрѣтилъ Букина. Онъ ѣхалъ съ женою на парѣ, въ американскихъ саняхъ... Раскланялись.

— Куда?

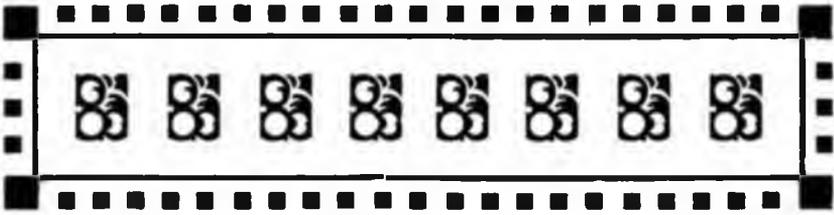
— На пикникъ!.. Скучно... Надо освѣжиться!

Ему скучно.

„Равнодушные“ такой скуки не знаютъ.

А. Кругловъ.

НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ.

I.

СТРАНИЧКИ.

1.

О памяти.

По мнѣнію д-ра Груна, большинство учащихся отличаются слабой памятью *). Оказывается, что съ успѣхами культуры способность эта не растеть, а, напротивъ, ослабѣваетъ. Стоитъ только представить себѣ, сколько приходилось помнить въ тѣ времена, когда письменность составляла тайну жрецовъ; какой чудовищной памятью обладали рапсоды и скалды.

Но почему ослабѣла память?

Виною тому являются не только тѣ язвы человѣчества, благодаря которымъ оно вырождается, — именно, алкоголизмъ, сифились, туберкулезъ. Есть еще спеціальныя причины, коренящіяся въ самомъ воспитаніи. Такъ начинаютъ слишкомъ рано учить дѣтей читать и писать, и это служитъ въ ущербъ развитію ихъ памяти. Кромѣ того, очень вредно обыкновеніе всячески облегчать память времени, для чего служатъ часы и стѣнные календари. Какъ только дѣти начинаютъ учиться въ учебныхъ заведеніяхъ, то пріобрѣтаютъ привычку записывать уроки; это даже отъ нихъ требуется, что пріучаетъ полагаться на записи и не удерживать въ памяти. Вообще въ ходу все всегда писать — явленіе вредное для развитія памяти.

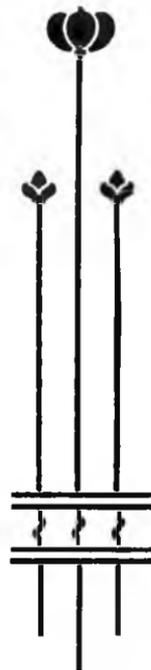
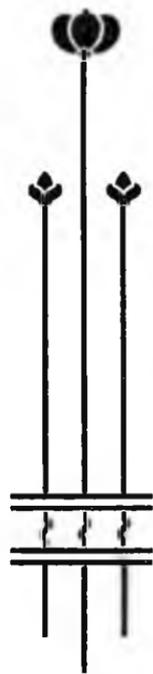
Гораздо легче запоминать то, что имѣетъ личное отношеніе, чѣмъ далекое отъ жизни въ родѣ грамматическихъ и ариѳметическихъ правилъ и стиховъ, а между тѣмъ вовсе не учатъ держать въ памяти такое личное и не развиваютъ, слѣдовательно, той памяти, которая нужна въ жизни.

*) Ueber das Gedächtniss. Neue Bahnen, 1907, № 7.

Птицеловъ.

В. Г. Перовъ.

Объ этомъ должны подумать родители и воспитатели и не увлекаться тѣмъ, чтобы начинать обученіе чтенію и письму слишкомъ рано.

2.

Школьные души.

Чистота тѣла важна не только для общаго состоянія здоровья, но имѣетъ значеніе въ частности и для успѣшности ученія. Дѣло въ томъ, что, когда учащіяся чистоплотны, въ классахъ совсѣмъ другой воздухъ и легче потому заниматься. Практичные нѣмцы вздумали устраивать при школахъ души, такъ какъ они гораздо дешевле ваннъ или бань. Къ сожалѣнію, въ виду недостатка помѣщенія души ставятся до сихъ поръ въ подвальныхъ этажахъ и устроены по клѣточной системѣ, благодаря чему въ нихъ мало воздуха. Дѣти стѣсняются раздѣваться при другихъ, такъ какъ у нихъ нерѣдко плохое и грязное бѣлье, на что и понадобились перегородки. Есть школы, въ которыхъ учатъ плавать. (Neue Bahnen, 1908, № 11).

3.

Развлечения для лондонскихъ дѣтей.

Въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ большихъ англійскихъ городахъ, организованы общества, которыя заботятся о томъ, чтобы доставлять дѣтямъ недостаточныхъ родителей даровыя развлечения. Устраиваются веселые вечера въ 72-хъ школьныхъ зданіяхъ, которыя пустуютъ послѣ классныхъ уроковъ. Дѣтей встрѣчаютъ при входѣ въ помѣщеніе молодыя распорядительницы и устраиваютъ хоры, танцы и всевозможныя игры. При этомъ дѣтей спрашиваютъ, во что они желаютъ играть, и распределяютъ ихъ по группамъ. Такъ въ зиму 1907/8 гг. на этихъ вечерахъ перебивало 12 т. дѣтей: всѣ же расходы ограничились 3 т. р. (Neue Bahnen, 1908, № 11).

М. Безобразова.

II.

Библиографія.

В. Авенаріусъ. — *Исторія Мопсика. (Изъ дневника Любочки.)* Изд. А. Д. Ступина. Съ рис. Р. Шнейдеръ. — Москва. 1910 г. Цѣна 30 коп.

Въ небольшой книжкѣ очень интересно разсказана исторія

одного щенка, мопсика, случайно попавшаго на воспитаніе къ тремъ сестрамъ. Въ разсказѣ проводится гуманная идея о состраданіи къ животнымъ: мать показываетъ примѣръ дочерямъ, какъ надо ухаживать за заболѣвшими животными. Доброе отношеніе человѣка къ безсловеснымъ тварямъ всегда вызоветъ благодарную любовь въ сердцахъ послѣднихъ. Разсказъ жизненъ и прочтется дѣтьми съ интересомъ и пользою.

Н.

А. А. Федоровъ-Давыдовъ. — Котикъ-нотокъ, — сѣренній лобонь. (По народнымъ колыбельнымъ пѣснямъ.) Изд. 3-е. А. Д. Ступина. — Москва. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 35 коп.

Эта сказка, украшенная многими рисунками, предназначается для чтенія дѣтей младшаго возраста. Пользуясь колыбельными пѣснями, авторъ охарактеризовалъ кошку въ главныхъ чертахъ ея натуры: осѣдлости, привязанности къ хозяевамъ, благодарности за доброе отношеніе къ себѣ, дѣловитости въ смыслѣ истребленія мышей, любви къ дѣтямъ, — играетъ съ ними, усыпляетъ ихъ своимъ монотоннымъ мурлыканьемъ. Давая нѣкоторое знакомство съ кошкою, книжка и позабавитъ юнаго читателя, такъ какъ написана она съ присущимъ автору юморомъ.

Н.

Русскій Донъ-Кихотъ Оома Беренниковъ. Сказка для дѣтей А. Можаровскаго, съ рис. В. В. Спасскаго. 2-е изд. А. Д. Ступина. Москва, 1910. Ц. 30 коп.

Эта сказка написана довольно легкимъ стихомъ. Въ ней юмористически описаны лихіе подвиги богатыря Оомы Беренникова, не отличавшагося вовсе силой, зато щедро надѣленнаго отъ природы сметкой. Послѣднее качество почитается въ народѣ на ряду съ физической силой. Поэтому хилый Оома и принятъ Ильей Муромцемъ въ семью богатырей. Какъ воевалъ Оома Беренниковъ съ нѣмецкимъ королемъ и съ китайцами — составляетъ предметъ повѣствованія. Дѣти не мало посмѣются надъ забавными приключеніями Оомы и поймутъ, къ чему нужна въ жизни сметка.

Н.

Мышь-Баронесса и родственникъ невѣжда. — Изъ подпольной жизни, повѣсть Ткача Основы.

Это шутливая повѣсть про различныя похожденія мышей разнаго возраста, изъ которыхъ старшая названа баронессой Пискульфонъ-деръ-Пискъ. Повѣсть написана гладкими стихами и украшена массою мелкихъ иллюстрацій въ краскахъ. Она пригодна для дѣтей младшаго возраста, которыхъ заставить посмѣяться надъ диковинными похожденіями длиннохвостыхъ героевъ.

Н.

П. Дудоровъ. — Въ степяхъ. — Разказы и очерки. Изд. книж. скл. М. В. Ключкина. Ц. 10 к.

Въ небольшомъ очеркѣ бѣгло охарактеризована жизнь киргизовъ въ ихъ привольныхъ степяхъ, бытъ, вѣрованія, обряды и развлечения. Близкими набросаны картины религіознаго праздника киргизовъ, сопровождающагося борьбою; описана соколиная охота и мн. др. Книжка заинтересуетъ дѣтей своимъ разнообразнымъ содержаніемъ. Цѣна общедоступна.

Н.

III.

КНИГИ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ, ДѢТСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

II.

По церковной исторіи. Житія Святыхъ.

1. **Разказы изъ исторіи христіанской Церкви.** — Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. *А. Н. Бахметевой*, 3 части. (Знать исторію церкви христіанской — обязательно для каждаго. Да и всякій, живущій духовными запросами, не можетъ не интересоваться исторіей развитія христіанства, его устроительства, жизнью свѣточей вѣры... Конечно, объ этомъ учать въ школѣ. Но учебники — сухи. Книга же г-жи Бахметевой написана общедоступно, просто. Передъ читателями проходятъ какъ живые апостолы и святые, и ихъ подвиги вызываютъ въ душѣ благоговѣйное чувство.)
2. **Разказы изъ исторіи Русской Церкви.** *М. Толстого*. 4 книги. (Какъ и пред. книги — рекомендуемъ книги М. Толстого, имѣющаго въ виду уже исторію родной — Русской Церкви. Языкъ простъ; исторія составлена толково. Обѣ „исторіи“ — безусловно полезны въ каждой школьной и семейной библиотекѣ. Читать будутъ съ удовольствіемъ и дѣти — старшаго возраста, и взрослые — изъ народа, а вообще изъ „широкаго читательскаго круга“. Очень не лишнія книги — особенно нынѣ, когда стараются отвлечь мысль юношества и народа къ другимъ „исторіямъ“.)
3. **О трудахъ св. апостоловъ въ распространеніи вѣры Христовой.** *Свяци. Пѣвцова*. (Это компиляція, но составлена очень умѣло и даже талантливо.) Также указываемъ на прекрасную книгу того же автора:

4. **Гоненія на христіанъ отъ язычниковъ и св. мученики.** (Эта книга придется по сердцу и каждому взрослому православному чело-вѣку изъ народа. Подвиги мучениковъ запечатлѣются въ памяти. Читатель пойметъ, *кто* истинные мученики и что такое христіанское мученичество. Книга очень полезная вообще и особенно въ наши дни, когда за мучениковъ выдаютъ мучителей и дерзко ставятъ вровень со смиренными мучениками Христовыми — буйныхъ возму-тителей, получающихъ должное возмездіе.)
5. **Избранныя житія святыхъ.** Сост. А. Н. Бахметевой, 12 книгъ. Ц. 1 р. 80 к. (Кто не можетъ имѣть дорогихъ, полныхъ „Житій“ — тотъ можетъ остановиться на книгахъ Бахметевой. Онѣ составлены хорошо.)
6. **Жизнь св. апостола Павла.** Свящ. В. Михайловскаго. (Масса фактическаго матеріала и толковое изложеніе. Всего пригоднѣе для юношества и для семьи интеллигентной.)
Того же автора:
7. **Жизнь св. апостола Петра.**
8. **Жизнь и дѣянія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.** (Написана просто и для всякаго читателя доступно.)
9. **Сказаніе о подвигахъ русской великой княгини Ольги.** Соч. Ре-мезова. (Безусловно хорошая книга.)
10. **Св. Евфросинія, княжна Полоцкая.** Ист. рассказъ. Изъ Чит. Нар. школы. 32 стр. 5 к. (Какъ разъ ко времени. Не только описана жизнь св. княжны, но и дана картина жизни Руси того времени. Написана книга языкомъ простымъ и хорошимъ. Рекомендуемъ для всѣхъ библиотекъ.)

МОСКВА.

Храмъ Василя Блаженнаго.

Суворовъ среди солдатъ.

Чудо-богатырь.

то Суворова не знаетъ?!
Послѣ Руси и Царя
Это имя повторяетъ
Каждый, храбростью горя.

Нашъ онъ, нашъ герой любимый!
Наша слава, сила, ширь,
Великанъ непобѣдимый,
Витязь, чудо-богатырь!

Духъ безсмертнаго героя,
Какъ и въ вѣкъ его побѣдъ,
Движетъ Русью боевою
И гремитъ на цѣлый свѣтъ!

И пока Суворовъ славный
Въ русскомъ сердцѣ будетъ жить —
Нашей Руси православной
Никому не побѣдить!

Дмитрій Варлыгинъ.

ИЗЪ ПОЛОЦКА.

(Письмо въ редакцію.)

Николаевскій соборъ, въ которомъ будутъ совершаться богослуженія по перенесеніи мощей св. Евфросини, и Памятникъ 12 года.

На Пасхальной недѣлѣ Богъ судилъ мнѣ побывать въ Полоцкѣ.

Естественно, что Полоцкъ готовится къ величайшему торжеству — встрѣчѣ св. мощей своей княжны Евфросини. Улицы этого грязнаго города чистятся, дома красятся, одинъ изъ соборовъ ремонтируется, а другой будетъ ремонтироваться по слухамъ послѣ предстоящихъ празднествъ.

Особенно нарядный видъ принимаетъ Витебская улица, ведущая къ Николаевскому собору, въ которомъ будутъ совершаться торжественныя богослуженія въ первые праздничные дни. Стройный соборъ, окрашенный въ бѣлую краску, производитъ свѣтлое впечатлѣніе.

Имѣющимъ же отношеніе къ святой Евфросини является другой, болѣе древній, Софійскій соборъ. Онъ стоитъ на высокомъ берегу Западной Двины, чуднымъ видомъ которой отъ собора нельзя не залюбоваться. Вѣншній видъ Софійскаго собора пришелъ въ большой упадокъ, и говорятъ, что эта святыня по недостатку средствъ не будетъ закончена ремонтомъ ко времени празднествъ, о чемъ нельзя не сожалѣть: это вѣдь тотъ храмъ, въ которомъ святая Евфросинія полагала начало своимъ духовнымъ подвигамъ.

Она жила при немъ, подражая ветхозавѣтнымъ дѣвицамъ, которыя жили при Иерусалимскомъ храмѣ и среди которыхъ

Келья преп. Евфросинии Полоцкой.

(Въ Спасекой церкви, выстроенной Святую въ XII вѣкѣ.)

(Ѳ фот. Берманта.)

была и Пресвятая Дѣва Марія. (Житіе преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой.)

Недавно членъ совѣта минист. внутреннихъ дѣлъ Кошкинъ, осматривая этотъ соборъ, обратилъ вниманіе на образъ Св. Евфросиніи, замѣчательно хорошо написанный. На немъ Преподобная изображена оставляющей царство земное для Царства Небеснаго. Она отстраняетъ отъ себя корону и мантию и держитъ въ рукѣ крестъ. Устремленный къ небу взоръ ея говоритъ, что изъ княжескихъ палатъ она уйдетъ въ монастырскую келью. И келья эта сохранилась въ Евфросиніевскомъ монастырѣ, на хорахъ Спасской церкви, построенной основательницею монастыря въ XII-мъ вѣкѣ.

Больше семи вѣковъ пролетѣло надъ Полоцкимъ краемъ. Княжескія палаты забыты, а келью святой княжны помнитъ народъ. Къ этой кельѣ уже стремятся народныя волны, несутъ на себѣ святыя мощи Подвижницы и положить ихъ въ ея собственномъ храмѣ, между двумя колоннами передъ амвономъ. И, конечно, каждый паломникъ, поклонившись мощамъ Святой, зайдетъ и въ ея келью, гдѣ она прожила до глубокой старости. Тѣсна эта келья и заставлена образами. Въ ней два маленькихъ окна, въ одно попадалъ свѣтъ солнечный, а въ другое Свѣтъ Христовъ: у этого окна Святая слушала службы церковныя. На аналоѣ передъ иконою Знаменія Божіей Матери лежитъ крестъ, устроенный Святою въ 1161 году. Въ крестѣ хранятся святыни: частица Животворящаго древа, орошенная кровію Спасителя, и частицы мощей различныхъ Святыхъ. На этомъ крестѣ имѣется надпись, которою св. Евфросинія заповѣдуетъ, чтобы крестъ хранился въ ея храмѣ.

И, несмотря на то, что всѣ храмы Полоцкіе были въ рукахъ іезуитовъ, подвергались не разъ разгрому и измѣненію, крестъ Преподобной сохранился въ неизмѣненномъ видѣ и по сіе время. Онъ былъ заложенъ кирпичами въ стѣнахъ собора передъ нашептвіемъ французовъ. Онъ былъ украденъ по проискамъ іезуитовъ, но воръ, настигнутый на полдорогѣ, вернулся къ іезуитамъ безъ креста.

И теперь эта святыня, согласно волѣ Святой, осѣняетъ мѣсто ея молитвеннаго подвига.

Путникъ.

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Преподобная Евфросинія, княжна Полотская.

Когда-то поэтъ, гадая о смерти своей, говорилъ:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все жь хотѣлось почивать.

И если для самого человѣка естественна мечта лежать въ родной землѣ, тамъ, гдѣ прошла его жизнь и жизнь всѣхъ его близкихъ, то еще естественнѣе желать того же людямъ, дорожащимъ этимъ покойникомъ.

Еще болѣе понятно стремление какой-нибудь страны или города хранить у себя останки праведниковъ, которые родились и жили въ этихъ мѣстахъ.

Вотъ отчего старый городъ Полотскъ такъ усиленно, въ теченіе многихъ десятилѣтій, добивался того, чтобы ему были возвращены мощи древней его праведницы, княжны Евфросини. И вотъ, почему возвращеніе ея теперь на родину составить великое духовное торжество для всего края.

Особыя условія жизни бѣлорусса сообщаютъ этому торжеству также и характеръ политическій. Преподобная Евфросинія Полотская жила въ то счастливое время, когда эта искони русская земля по характеру и культурѣ сливалась въ одно цѣлое съ прочею Русью. Много бурь пронеслось надъ краемъ съ тѣхъ поръ, какъ преподобная его оставила. Тяжкія страданія вынесъ бѣлорусскій народъ за приверженность къ старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Насильное обращеніе въ унию и католичество, запечатываніе православныхъ церквей, запретъ собираться для богослуженія даже гдѣ-нибудь за городомъ въ шатрахъ, а въ послѣднее время лишеніе батраковъ помѣщиками работы только за то, что они православные: все это видѣла Бѣлоруссія, все это вынесъ на плечахъ своихъ бѣлоруссъ.

Св. Евфросинія, княжна Полотская.

Снимокъ съ иконы.

фот. Берманта.

И вотъ теперь, какъ бы для того, чтобы ободрить его въ доселѣ непрекращающемся гоненіи за вѣру, возвращается къ нему въ ореолѣ неглѣвнн и святости древняа княжна Евфросинія. Она какъ бы приноситъ съ собой надежду на свободу духа, которой всегда такъ недоставало бѣлоруссу. Она будитъ въ немъ сознание его единенія съ великой общей матерью Россіей.

Полотскъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи. Имя его упоминается еще въ Скандинавскихъ сагахъ. Стоя при слияніи рѣки Полоты съ Западной Двиной, онъ лежалъ на знаменитомъ торговомъ пути, — „изъ Варягъ въ Греки“, и служилъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шедшихъ изнутри Россіи на Западъ. Кривичскія племена, населявшія мѣстность, отличались своей предприимчивостью и хаживали съ другими русскими племенами въ Царьградъ. Въ перечисленіи русскихъ городовъ въ торговомъ договорѣ Олега съ греками Полотскъ упоминаютъ на четвертомъ мѣстѣ. Сохранилась приблизительная цифра жителей Полотска: во время его расцвѣта она достигала ста тысячъ—цифра для древнихъ временъ громадная. Во всякомъ случаѣ Полотскъ былъ значительнѣе того Витебска, къ губернии котораго онъ въ настоящее время принадлежитъ.

Православие Полотска также весьма древнее. Послѣ извѣстной исторіи съ Рогнѣдой, княжной полотской, князь Владиміръ отправилъ Рогнѣду въ ея родовой удѣлъ, который назначилъ ихъ общему сыну Изяславу. Въ Полотскѣ они могли слышать преданія о томъ, какъ проходилъ этой страной апостолъ Андрей Первозванный. Во всякомъ случаѣ Изяславъ и Рогнѣда были набожными христіанами. А Рогнѣда приняла даже иночество съ именемъ Анастасіи. Уже въ началѣ одиннадцатаго вѣка въ лѣтописи упоминается епископъ Полотскій Мина. Князья Полотскіе, которые были, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, весьма состоятельны, отличались образованностью. Полотскъ былъ однимъ изъ очаговъ русской національной культуры, которая такъ пышно расцвѣла въ Ярославовы времена и была потомъ такъ безжалостно скошена татарскимъ нашествіемъ. Извѣстно, что у полотскихъ князей была весьма богатая бібліотека, а степень образованности княжны Евфросинии мы внослѣдствіи увидимъ.

Преподобная Евфросинія изъ рода Изяславичей приходилась правнукою въ пятомъ колѣнѣ князю Владиміру кіевскому и родилась въ концѣ одиннадцатаго или въ первыхъ годахъ двѣнадцатаго столѣтія. Въ міру называлась она Предиславою. Дѣтство ея прошло въ тихомъ родительскомъ терему среди религіозныхъ впечатлѣній. Она могла рано увидѣть монастырскую жизнь, такъ какъ вдова ея родного дяди была подъ именемъ Романи игуменіей въ Полотскѣ.

Любознательность и страсть къ книгамъ отличали князю Предиславу съ отроческихъ лѣтъ, и чтеніе духовныхъ книгъ, изъ которыхъ почти исключительно состояли тогдашнія бібліотеки, укрѣпило въ ней природную склонность къ духовной жизни.

Предиславѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, когда родители задумали выдать ее за одного молодого князя. Услыхавъ объ этомъ, Предислава тайно ушла къ теткѣ въ монастырь и просила ее постричь. Сперва тетка отказывалась, боясь гнѣва ея отца, но потомъ согласилась. И родителямъ пришлось увѣчать юную дочь уже подъ монашескимъ покровомъ.

Первые годы монастырской жизни княжны, принявшей въ иночествѣ имя Евфросиніи, прошли въ обычныхъ иноческихъ подвигахъ. Она усердно выполняла послушанія, начиная со всевозможныхъ черныхъ работъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни, ища полнаго уединенія, она заперлась въ пристройкѣ къ полотскому Софійскому собору. Келью эту лѣтописцы называютъ „голубцомъ“. Тутъ она жила въ полномъ уединеніи, не вида людей. Кромѣ молитвы, постояннымъ занятіемъ ея была письменность.

Спасская церковь (малая) св. Евфросиніи.

Получивъ прекрасное образование, преодобная Евфросинія знала иностранные языки, съ которыхъ и переводила. Вела лѣтопись города Полотска, писала стихи. Главнымъ же занятіемъ ея было переписываніе книгъ. И въ этомъ дѣлѣ она сумѣла удовлетворить какъ личную свою духовную жажду, такъ и бывшую въ ней, очевидно, струю проповѣдничества и благотворительности. Такъ какъ книгопечатанія тогда не было, то трудъ переписыванія книгъ цѣнился дорого. Евфросинія пускала въ обращеніе дорогія ей священные книги, а вырученные отъ нихъ деньги тайно раздавала бѣднымъ. Она согласилась съ мѣстнымъ епископомъ, который снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ для писема матеріаломъ. Ему Евфросинія посылала оконченную работу, которую епископъ продавалъ, и по ея порученію распределялъ полученные деньги между нуждающимися. Такимъ образомъ, своимъ трудомъ благотворя ближнимъ, Евфросинія дѣлала все это тайно, никогда не вида тѣхъ, кому помогала.

Впослѣдствіи Евфросинія по особому откровенію основала монастырь за Полотой, въ такъ называемомъ Сельцѣ—мѣстности, гдѣ былъ архіерейскій загородный домъ. Тутъ же выстроила она существующую доселѣ церковь во имя Преображенія. По этой церкви монастырь получилъ названіе Спасо-Евфросиніева. Въ устроенную обитель поступили княжны Градислава, младшая родная сестра Евфросиніи, и двоюродная сестра ея Звенислава. Эта послѣдняя принесла съ собою въ обитель свое богатое приданое. По примѣру ихъ постригались въ Евфросиніеву обитель многія дѣвушки изъ полотской знати. А князья снабжали обитель земельными угодьями, такъ что монастырь былъ богатъ.

Евфросинія, несомнѣнно, отличалась большой энергіей и предприимчивостью. Ей очень хотѣлось имѣть у себя одну древнюю икону Богоматери, писанную по преданію евангелистомъ Лукой и находившуюся въ городѣ Ефесѣ въ Малой Азіи. Она снарядила къ императору царьградскому и патриарху особаго посла и достигла своей цѣли. Икона эта впослѣдствіи, при бракосочетаніи полотской княжны съ великимъ княземъ Александромъ Нев-

скимъ, перенесена изъ Полотска въ Торонецъ, гдѣ пребываетъ до сихъ поръ.

Передъ концомъ своей жизни Евфросинія исполнила свою завѣтную мечту—посѣтить Царьградъ и Святую Землю. Ее сопровождали братья ея Давидъ и родственница Евпраксія. Обойдя святыя мѣста въ Палестинѣ, она занемогла и скончалась. Ее положили въ Иерусалимскомъ Теодосіевомъ монастырѣ, гдѣ останавливались обыкновенно русскіе паломники и который поэтому получилъ названіе русскаго. Кончина ея послѣдовала двадцать третьяго мая 1173 года.

Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ кончины ея Иерусалимъ былъ взятъ египетскимъ султаномъ Саладиномъ, который позволилъ христіанамъ за малый выкупъ безпрепятственно удалиться изъ Иерусалима, унося съ собою свои святыни. Тогда-то и были перенесены мощи преподобной Евфросиніи въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ онѣ и покоились въ дальнихъ пещерахъ.

Въ первое время послѣ преподобной Евфросиніи православіе такъ же, какъ при ней, цвѣло въ Полотскѣ: какъ при Изяславичахъ, такъ и при новомъ князѣ Миндовѣ и при Гедеминовичахъ. Оно стало терпѣть притѣсненія послѣ того, какъ черезъ бракъ Ягайла литовскаго съ Ядвигой польской вошло въ составъ польскаго королевства. Во всякомъ случаѣ, православіе было въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Полотскѣ такъ прочно, что въ немъ было до тринадцати церквей и до тринадцати монастырей. И когда Стефанъ Баторій взялъ Полотскъ у Іоанна Грознаго, который имъ владѣлъ короткое время, не нашлось въ Полотскѣ ни одной католической церкви, чтобы отслужить благодарственное молебствіе по латинскому обряду.

Со времени Стефана Баторія католичество стало дѣлать въ Полотскѣ быстрые успѣхи. Вся бѣлорусская звать—Вишневецкіе, Замоискіе, Сангушки, Сапѣги и все почти дворянство было переведено въ католичество. А затѣмъ наступили времена насильственнаго навязыванія населенію уни. Особенно натерпѣлись православные при свирѣпомъ недоброй памяти униатскомъ епископѣ полотскомъ Іосафатѣ Кунцевичѣ. Онъ запечатывалъ церкви, вырывалъ православныхъ изъ могилъ, выбрасывалъ ихъ трупы собакамъ. Дѣти православныхъ оставались цѣлыми годами не крещеными. Сошедшіяся пары жили безъ брачнаго благословенія. Наконецъ, возмущившееся его жестокостію населеніе въ Витебскѣ убило его и утопило трупъ его въ Двинѣ. Со времени раздѣла Польши, когда Бѣлоруссія вернулась къ Россіи, униаты стали тысячами возвращаться въ православіе, и наконецъ, при Императорѣ Николаѣ Первомъ униа была окончательно уничтожена.

Спасо-Евфросиніевъ монастырь раздѣлилъ печальную участь гонимаго православія. Имъ долгое время владѣли католики, а по изгнаніи изъ Бѣлоруссіи католическихъ монаховъ онъ находился въ совершенномъ запустѣніи. Онъ былъ, наконецъ, по распоряженію Императора Николая Павловича, отданъ духовному вѣдомству и возстановленъ. Его завѣтную святыню составляетъ крестъ, устроенный по мысли и усердію преподобной Евфросиніи. На окладѣ креста помѣщена надпись, которая свидѣтельствуетъ о его происхожденіи и заключаетъ просьбу преподобной не выносить никогда креста изъ обители. По возстановленіи Евфросиніева монастыря въ немъ была устроена школа для дѣвушекъ духовенства и трудящихся классовъ. И ученицы этой школы вынесли на своихъ плечахъ дѣло начальнаго образованія

края, такъ какъ являлись излюбленными кандидатками какъ въ земскихъ, такъ и въ церковно-приходскихъ школахъ.

Что-то трогательное имѣетъ въ себѣ это торжество, это медленное шествіе древней княжны къ себѣ на родину изъ нѣдръ кievскихъ пещеръ сперва по Днѣпру, потомъ на рукахъ вѣрнаго народа по ея родному краю. Торжество это совпадаетъ съ тѣми пасхальными днями, въ которые особенно ощутимы въ душѣ непрерываемость жизни, близость и единеніе земного и загробнаго міровъ.

Зритель.

Верхній замокъ и Софійскій соборъ въ Полоцкѣ.

II.

Слѣдованіе св. мощей преподобной Евфросиніи.

Впечатлѣнія очевидца.

(Изъ письма.)

Христось Воскресе, другъ мой! Не могу не подѣлиться съ тобой радостью души моей, счастьемъ, какого въ жизни никогда не испытаешь больше. Ёду я на пароходѣ, на которомъ слѣдуютъ св. мощи Преподобной. Какія торжества происходили въ Кіевѣ, писать не буду, потому что было великое тамъ торжество, но въ такомъ громадномъ городѣ и неудивительно. Но вотъ ѣдемъ мы теперь по Днѣпру, и вездѣ встрѣчаетъ насъ съ крестными ходами священство, облаченное въ бѣлыя ризы, народъ стоитъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Всѣ берега усыяны народомъ со свѣчами; когда полходитъ пароходъ со святыми мощами, весь народъ падаетъ на колѣни, и всѣ поютъ „Преподобная мать

Евфросинія, моли Бога о насъ!“ Ъдемъ ночью. Ночь темная, небо чистое, усѣяно звѣздами, на берегахъ горять огни, народа тысячи, и у всѣхъ зажженныя свѣчи въ рукахъ, и всѣ поютъ. Картина столь торжественная и умилительная, что хотя бы было каменное сердце, и то не выдержитъ, чтобы не плакать отъ душевнаго восторга,—мое перо не въ состояннн описать всего. Даже спать не хочется, такое состояннн въ душѣ, что никогда такихъ минутъ не переживалъ и не думалъ пережить. Пишу въ 2 часа ночи. Ъдемъ — берегъ ужасно высокій, и весь онъ версты на 2 сплошь покрытъ народомъ, у всѣхъ въ рукахъ огни, пѣнне величаннн Преподобной разносится по Днѣпру. („Кол.“ Петровъ).

III.

Князь-соколь.

(1610—23 апрѣля—1910).

23 апрѣля въ Кремлѣ московскомъ, въ древнемъ Архангельскомъ соборѣ печально перезванивали старинные колокола, призывая народъ помолиться за упокой души князя Михаила Скопина-Шуйскаго, погребеннаго въ Предтеченскомъ придѣлѣ этого собора.

— Ясный соколикъ нашъ, надежа наша святорусская!

Такъ говорили о князѣ Михаилѣ триста лѣтъ тому назадъ, когда онъ, сильный и мужественный, юный и твердый въ побѣдахъ надъ врагомъ, былъ предательски отравленъ „снадобіемъ злоехиднымъ“, поднесеннымъ ему рукою завистника его успѣхамъ.

Но онъ живъ, этотъ князь-соколь, въ памяти народной и на страницахъ исторнн русской, для которой князь Михаилъ Скопинн-Шуйскнн является однимъ изъ лучшихъ ея украшеннн, какъ стойннн и мужественнн борецъ за Вѣру и Родину.

Двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду онъ уже покрылъ себя неуязвемою ратною славою.

Князь Михаилъ разбилъ полчища Сапѣги подъ Троицкой лаврой и тѣмъ освободилъ великую святыню земли русской не только отъ долговременной убійственной осады, но и отъ конечной гибели—вторженнн поляковъ. Онъ же побѣдоносно велъ войско царское противъ „воровъ“ — самозванцевъ-грабителей, пытавшихъ счастье въ узурпированнн царскаго престола.

Этотъ ореолъ мужественнаго побѣдителя покорилъ князю Михаилу сердца русскаго народа.

И его личная храбрость, его преданность свято-русскимъ завѣтамъ, сдѣлали его народнымъ героемъ, окружили его любовью и преданностью всѣхъ русскихъ людей.

Но вмѣстѣ съ этою любовью народа зрѣла зависть и соперничество.

Престарѣлый царь Василій Шуйскій не имѣлъ сыновей, и ближайшимъ его наслѣдникомъ являлся родной его братъ князь Димитрій. Князь Михаилъ являлся лишь дальнимъ родственникомъ царя, но никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что горячая любовь и преданность народа сдѣлаютъ наслѣдникомъ престола именно его, Михаила, а никакъ не Димитрія, котораго народъ и не зналъ, и не любилъ.

Между тѣмъ князь Димитрій Шуйскій и толпа стоявшихъ за нимъ приверженцевъ рѣшили устранить князя-сокола съ пути къ царскому престолу.

Но какъ устранить?

Средство ясно и опредѣленно представилось только одно—убить.

* * *

22 апрѣля 1610 года Димитрій, князь Шуйскій, Ивановичъ, билъ челомъ многимъ боярамъ ближнимъ и князьямъ и прочимъ людямъ знатымъ и по Москвѣ именитымъ, сзывая къ себѣ на пиръ честной по случаю святыхъ праздникоуъ Пасхи.

Разсылалъ князь Димитрій слугъ своихъ по всей Москвѣ отъ края до края.

Заѣзжали-заходили слуги тѣ князеуы въ хоромы разныя, куда имъ было указано.

Были гонцы и у князя Михаила Скопина-Шуйскаго и ему кланялись, и ему челомъ били, прося на пиръ честной къ князю Димитрію.

Принялъ гонцовъ тѣхъ князь Михаилъ ласково, но на пиръ ѣхать отказался.

— Благодарствую,—говорить,—князю Димитрію Ивановичу на чести и на памяти, въ поясъ кланяюсь и въкъ мой той чести не забуду, а все жъ-таки быть никакъ мнѣ немочно: недужится мнѣ, неможется, хворь меня обуяла, горять мои раны ратныя и зудять, не дають мнѣ покоя никакого вогъ уже два дня и двѣ ночи.

Бросились тутъ въ ноги гонцы князю Михаилу и возмолились:

— Соколикъ,—вопятъ они,—нашъ ясный! Надежда народа русскаго! Помилосердуй, сжался! Безъ тебя, солнышка краснаго, и пиръ не въ

пирь, и честь не въ честь. Какъ мы съ отказомъ твоимъ домой воротимся, какъ князю нашему на глаза покажемся? Ой, со свѣту сживетъ насъ князь! Ой, забить батогами прикажетъ до самаго смерти! Ой, ой, пропали головушки наши! Ой, не жить уже намъ на бѣломъ свѣтѣ, Богу не молиться, смертью собачьей умереть приходится тепереча подь батогами!

Нахмурился князь Михайлъ.

„А вѣдь и впрямь, — думаетъ онъ, — грозенъ и безжалостенъ князь Димитрій,—забьетъ онъ людей неповинныхъ“.

И махнулъ князь Михайлъ рукою:

— Ну, инъ быть по-вашему! Кланяйтесь князю Димитрію Ивановичу на чести и на памяти, скажите, что прїѣду и я на пирь его, хоть и неможется мнѣ дюже.

Засіяли отъ радости гонцы князевы, стали кланяться, въ землю лбами стучать.

А князь Михайлъ сталъ облачаться въ доспѣхи и на пирь княжій поѣхалъ.

Едва вошелъ онъ въ сѣнцы, встрѣтилъ его самъ князь Димитрій, низко-низко ему поклонился, благодарилъ за честь и, троекратно обლობившись, повелъ его подь руку, какъ гостя почетнаго, прямо въ горницу свою столовую.

— Эй, жена!—крикнулъ онъ весело.—Эй, супруга моя, хозяйюшка! Посмотри, какой гость честной къ намъ препожаловалъ. Почти его честью дѣдовской, стариннымъ обычаемъ, поднеси ему чарку добраго вина изъ рукъ своихъ.

Низко-низко поклонилася княгинюшка князю Михайлу, гостю дорогому, держа въ рукахъ подносъ небольшой съ кувшиномъ и чаркою золотою.

Въ поясъ поклонился на поклонъ тотъ княгинюшкинъ князь Михайлъ, взявъ въ руки кувшинъ, налилъ изъ него вина въ чарочку золотую и духомъ однимъ выпилъ.

И вдругъ захватило дыханіе у князя Михаила, ровно огнемъ обожгло его вино то, даже въ глазахъ у него круги пошли огненные. Но все же собрался онъ съ духомъ и княгинюшку по старинному обычаю обლობилъ, благодаря за честь и за ласку.

— Ну, ужъ и вино у тебя, князь,—сказалъ онъ хозяину.—Среду вина я такого не пивалъ, ажно духъ захватываетъ и жжетъ невтерпежъ.

Чуть-чуть дрогнули у князя Димитрія углы тонкихъ губъ его, чуть-чуть побѣлѣлъ лицомъ онъ, но не выдалъ себя ничѣмъ и, низко кланяясь, отвѣтилъ:

— Не обезсудь, князь! Вино-то фряжеское старинное, для почетныхъ гостей особливое. И радъ я тебя, князь, виномъ тѣмъ поить во всякое

время, коль домъ мой и напредки посѣщеніемъ своимъ не оставишь въ честь мнѣ и на радость, тебѣ же, молодцу доброму и разныхъ подвиговъ во славу Руси достойному вершителю, на молодецкое на потѣшеніе.

И, обращаясь затѣмъ уже ко всѣмъ присутствующимъ, князь сказалъ:

— Ну, теперь, гости дорогіе, бью вамъ челомъ и прошу за столь честной: угоститесь чѣмъ Богъ послалъ. Ужь не взыщите ни на скудости, ни на неумѣннн моемъ, примите отъ чистаго сердца, что имѣю и какъ умѣю, а только радъ я дорогихъ гостей моихъ потчевать.

Всѣ стали садиться за столь по старшинству и по роду.

Князь Михайлъ сѣлъ, по приглашенію хозяина, рядомъ съ нимъ, по правую руку. Но ему все недужилось болѣе и болѣе. Не смогъ онъ досидѣть до конца обильнаго пира и почти-что замертво свалился, себя не помня.

* * *

Привезли князя Михаила съ пира Дмитріева чуть живого, въ жару и безъ памяти.

Долго возился съ нимъ знахарь, изгонялъ изъ него хворь всячески: и молитвою, и заклинаніемъ, и спыскиваніемъ, и всяческимъ мудреннымъ заклинаніемъ, но ничего не помогало: князь не приходилъ въ сознаніе и чуть дышалъ. Подъ утро за попомъ послали, а тамъ—и за архіереемъ. Стали соборовать, приобщили Святыхъ Тайнъ умирающаго.

А въ полдень 23 апрѣля печально ударили въ колоколь церкви Спаса-на-Кочкахъ, въ приходѣ которой былъ домъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго, возвѣщая, что преставился Богу Господу, Судіи Праведному знатный прихожанинъ.

Убивалась-рыдала надъ теплымъ еще трупомъ князя Михаила супруга его, княгинюшка молодая, плакали громко малыя дѣтки его, князя-сокола. Заливались слезами и домочадцы.

А въ домѣ княземъ и въ округѣ всей съ ушка на ушко говорили вотъ что:

— Опоенъ князь молодой, надежда-Михайлъ, опоенъ на пиру князя Дмитрія Шуйскаго отравою злою, персидскою на винѣ, опоенъ женою Шуйскаго, злодѣя, умыслившаго на него злое за то, что любилъ его народъ шибко и на престолѣ видѣть его многіе очень желали.

Указывали даже, что незадолго передъ тѣмъ частенько въ домъ князя Дмитрія сталъ хаживать человекъ какой-то мухамедовой вѣры и роду персическаго, никому невѣдомый и незнамый. Занимался князь Дмитрій съ человекомъ тѣмъ персическимъ, запирался въ горницѣ ото всѣхъ накрѣпко и все чего-то тамъ возился.

— Это зеліе они варили тамъ греклятое, — стали говорить по Москвѣ. — Это отраву они по персическому образу готовили, чтобы князя-сокола нашего тѣмъ зеліемъ будто виномъ опойть.

И все шире и глубже росло негодованіе народа противъ злодѣя.

— Бить его надо! Домъ его разнести весь по щепкамъ! Извести отродѣ проклятое!

Послѣ похоронъ князя Михаила и въ самомъ дѣлѣ собралась тысячная толпа народа и подошла было къ дому князя Дмитрія Шуйскаго, требуя его выдачи на расправу.

Но слухи о готовящемся погромѣ ходили по Москвѣ уже давно, и къ надвигающейся грозѣ князь Дмитрій хорошо приготовился: выпросилъ охрану крѣпкую, и та охрана разогнала мятежниковъ.

Собрались бѣгущіе небольшой кучкой уже далеко отъ дома князя Дмитрія и стали судить да рядить, какъ имъ тутъ быть и что дѣлать.

— Изловить пока-что, — предложилъ кто-то, — персическаго того злодѣя мухамедскаго и пытать, какъ и что они съ княземъ на сокола нашего умыслили. А до самого князь-Дмитрія мы ужотко доберемся.

Мысль эта очень понравилась большинству, и всѣ дружно закричали:

— Идемъ, идемъ пытать персическаго злодѣя! Отъ него все какъ есть доводливо узнаемъ.

— На Якиманку, братцы, — кричали верховоды, — на Якиманку! Онъ тамъ живеть у вдовицы одной, персическій человѣкъ тотъ! Мы домъ-отъ тотъ очень знаемъ!

И вся толпа дружно бросилась лавою на Якиманку почти бѣгомъ.

Окружили домъ, гдѣ проживалъ персическій человѣкъ, и живо выволокли его на расправу.

— Говори, разбойникъ, что вы съ княземъ Дмитріемъ на князя-сокола измыслили?

Тотъ было запирался долго, говоря, что занимались они звѣздочетствомъ только, гадали о жизни предстоящей, но зла никакого ни на кого не измышляли нисколько.

— Врешь, собачій сынъ! — кричали въ толпѣ. — Признавайся - ка лучше!

Стали пытать персическаго человѣка огнемъ, и тотъ, наконецъ, во всемъ повинился.

— Стряпали мы, — говорить, — съ княземъ Дмитріемъ зеліе особенное, персическое, которое, въ вино будучи влито, не даетъ ни вкуса, ни запаха никакого, а между тѣмъ порѣшаетъ жизнь человѣческую безотмѣнно, спалляя его огнемъ внутреннимъ жгучимъ. А за то зеліе самое заплатилъ мнѣ князь Дмитрій рублей восемь съ полтиною и гривною и далъ еще на каф-

тань плису полштуки и сапоги съ ноги своей новые пожаловалъ. И то зеліе онъ самъ-отъ князь Дмитрій въ вино влилъ и супругѣ своей приказалъ тѣмъ виномъ князя Михаила токмо и потчевать, а другихъ чтобы гостей не потчевать.

Долго еще послѣ того пытали злодѣя и огнемъ и дубьемъ всякимъ.

— Признавайся, — говорили, — кто еще съ вами на дѣло то злое въ замыслѣ былъ.

Но никого больше не указалъ персическій человекъ, упорно стоя на своемъ признаніи.

— Окромя князя Дмитрія и меня никто въ томъ замыслѣ не былъ.

И бросили, наконецъ, пытатъ персическаго человекъ, отстали отъ него.

— А какъ же быть съ нимъ, братцы? — полюбопытствовалъ кто-то изъ толпы.

Рѣшили, что живого никакъ нельзя его отпустить, потому что онъ опять зеліе свое проклятое варить будетъ и тѣмъ зеліемъ многихъ добрыхъ людей испортитъ и жизни лишитъ.

— Да что съ нимъ путаться-то? — закричали въ толпѣ. — Бей его, братцы, дружище!

И тутъ же того персическаго человекъ забили до смерти.

* * *

Князя Михаила похоронили, по единодушному требованію народа, въ Архангельскомъ соборѣ среди гробницъ всѣхъ князей и царей московскихъ.

Еще два года послѣ того длилась смута, пока, наконецъ, не поднялся въ Нижнемъ-Новгородѣ Кузьма Мининъ-Суворуковъ и съ нимъ доблестный князь Пожарскій.

Собрали они всю Русь православную на защиту Москвы и прогнали поляковъ, уже посадившихъ на престолъ московскій своего королевича Владислава.

Былъ избранъ всенародно на царство юный Михаилъ Романовъ, и началась тогда для Руси снова пора созиданія и мирнаго процвѣтанія.

Но и до сихъ поръ воспоминаетъ родина наша тяжелые, смутные годы великой разрухи и всѣхъ тѣхъ, кто, какъ князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, умѣлъ тогда остаться вѣрнымъ и преданнымъ родной вѣрѣ и роднымъ завѣтамъ. („Земщина“, Ал. Лукояновъ).

У князя Пожарского

IV.

Памяти И. З. Сурикова.

24-го апрѣля исполнилось 30-лѣтіе со дня кончины народнаго поэта Ивана Захаровича Сурикова.

Въ этотъ день по инициативѣ Суриковскаго кружка торжественно прибита мраморная доска къ дому, гдѣ жилъ и умеръ народный пѣвецъ.

Домъ этотъ помѣщается на углу 5-й Ямской улицы и 6-го Міусскаго проѣзда и принадлежитъ гг. Аванасьевымъ.

«На доскѣ сдѣлана надпись:

„Здѣсь жилъ и умеръ народный поэтъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ 24-го апрѣля 1880 года“.

Въ 2 часа дня была отслужена панихида на могилѣ покойнаго на Пятницкомъ кладбищѣ.

V.

НЕКРОЛОГИ.

1.

Протопресвитеръ А. А. Желобовскій. †

29 апрѣля скончался заслуженный духовный дѣятель, протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, присутствовавшій въ Св. Синодѣ, Александръ Алексѣевичъ Желобовскій.

Почившій родился въ 1835 году и воспитывался сначала въ Новгородской семинаріи, а затѣмъ въ Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса со степенью магистра богословія (1859 г.), посвященный въ іерейскій санъ, онъ состоялъ священникомъ при Митавскомъ гусарскомъ, кирасирскомъ, лейбъ-гвардіи конномъ и кавалергардскомъ полкахъ (1859—1882 гг.), протоіереемъ-настоятелемъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора (1882—1888 гг.) и главнымъ священникомъ (протопресвитеромъ) арміи и флота, съ 1888 года).

Ему принадлежали: магистерская диссертация—„Св. Фодоръ Студитъ“ („Духовная Бесѣда“ 1861 г., кн. 10—11), „Объясненіе литургіи (1874 года), символа вѣры (1878 г.) и десяти заповѣдей“ (1880 г.), а также большая вереница духовно-нравственныхъ брошюръ.

Съ именемъ покойнаго связана коренная реформа духовенства военного вѣдомства; административный механизмъ военно-духовнаго вѣдомства созданъ имъ заново, и идея реформы проведена въ жизнь съ полной законченностью плана, а практическое осуществленіе ея проверено въ деталяхъ

Протопресвитеръ А. А. Желобовскій.

и исправлено путемъ опыта. Поэтому обзоръ жизни и дѣятельности о. Желобовскаго — это цѣлая исторія военно-духовнаго вѣдомства за минувшія 40 лѣтъ.

Много сдѣлано о. протопресвитеромъ Желобовскимъ въ частности для улучшенія быта военнаго духовенства и его матеріальнаго обезпеченія. Но

едва ли не самою важною его заслугою является выработка пастырской системы религиозно-нравственного воздѣйствія на войска, воспитанія русскаго война въ духѣ православной вѣры въ правилахъ всецѣлой преданности Царю и самоотверженной любви къ отечеству. Для достиженія этой цѣли имъ было обращено серьезное вниманіе на преподаваніе Закона Божія въ полковыхъ учебныхъ командахъ, на веденіе военнымъ духовенствомъ въѣбогослужебныхъ собесѣдованій, учреждены братскія собранія военного духовенства, дѣлались частыя личныя реввізіи подвѣдомственныхъ учреждений.

Ревностная пастырская дѣятельность соотвѣтствовала тому идеалу, который съ дѣтства лелѣялъ покойный. „Пастырское служеніе,—говорилъ онъ,—составляло предметъ моихъ желаній. Я любилъ и люблю его искренно, глубоко. Любовь эта не изсякнетъ никогда; буду служить Богу моему, дондеже есмь!“

Любовь почившаго къ меньшей братіи, состраданіе къ вдовамъ и сиротамъ и заботы о нихъ оставили по немъ горячую благодарную память вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ маститому пастырю со стороны всѣхъ, кто его зналъ или съ нимъ служилъ. („М. Вѣд.“ и „Россія“.)

2.

Вл. И. Семеновъ. †

Въ пасхальную полночь, въ расцвѣтѣ силъ и таланта, всего 42 лѣтъ, скончался Вл. И. Семеновъ, начинавшій пріобрѣтать громкую извѣстность, публицистъ-писатель по морскимъ вопросамъ. Литературному труду покойный посвятилъ себя всего 4 года назадъ со времени выхода въ отставку, а до тѣхъ поръ онъ несъ строевую службу во флотѣ, которую покинулъ „по болѣзни, отъ ранъ и контузій происходящей“. Такъ гласилъ офиціаль. ный приказъ, но не такъ было въ дѣйствительности.

Боевая карьера Вл. И. Семенова началась съ первыхъ же дней войны. Бывшій адъютантъ адмирала Макарова, онъ покинулъ спокойную береговую службу, какъ только „запахло порохомъ“. Прибывъ въ Портъ-Артуръ въ качествѣ старшаго офицера крейсера „Вояринъ“, онъ узналъ, что его судно только что погибло. Назначенный командовать миноносцемъ „Рѣшительный“, онъ былъ смѣщенъ съ этой должности потому, что оказались офицеры старше его въ чинѣ, но ничѣмъ не командовавшіе. Почтенный адмиралъ Алексѣевъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ перемѣстятъ Семенова на транспортъ.

Съ прибытіемъ Макарова В. И. немедленно назначается старшимъ офицеромъ крейсера „Діана“, участвуетъ во всѣхъ морскихъ дѣлахъ, особенно отличается въ бою 28 іюля, когда „Діана“ прорвалась и ушла въ Сайгонъ. Во время этого боя В. И. задѣлалъ съ громаднымъ рискомъ для жизни подводную пробойну, но Георгія не получилъ, хотя по статуту онъ ему полагался.

Послѣ разоруженія „Діаны“ В. И. не могъ остаться въ Сайгонѣ. Онъ обратился съ просьбой къ адм. Рождественскому взять его на вторую эскадру, мотивируя свое желаніе „невозможностью сидѣть сложа руки—когда война еще продолжается“. Скрывшись изъ Сайгона, В. И. подъ чужимъ именемъ благополучно пробрался сквозь стѣту японскихъ шпионовъ и появился въ Либавѣ наканунѣ ухода 2-й эскадры. Въ штабѣ Рождественскаго онъ сдѣлалъ весь историческій походъ и въ бою при Цусимѣ получилъ тяжелую рану въ правое бедро (мускулы были сорваны до кости) и раздробленіе пальца на лѣвой ногѣ, кромѣ того нѣсколько осколковъ въ бокъ и въ спину. Перегруженный вмѣстѣ съ Рождественскимъ сначала на „Буйный“, потомъ на „Бѣдовый“, онъ былъ сданъ японцамъ. Пролежавъ 4 мѣсяца въ японскомъ госпиталѣ и выздоровѣвъ, В. И. по возвращеніи изъ плѣна былъ преданъ суду по обвиненію въ сдачѣ „Бѣдоваго“. На судѣ выяснилось, что, несмотря на тяжкія раны, В. И. утромъ, въ день сдачи, выползъ на верхъ и требовалъ, чтобы миноносецъ шелъ полнымъ ходомъ. Спустившись внизъ, онъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя, когда миноносецъ былъ уже сданъ. Узнавъ объ этомъ, онъ пытался застрѣлиться, но докторъ вырвалъ у него револьверъ. Такимъ образомъ вина В. И. въ сдачѣ оказалась болѣе, чѣмъ сомнительной, и судъ, признавъ, что В. И. не зналъ о готовящейся сдачѣ, оправдалъ его. Но когда послѣ этого адм. Бирилевъ пожелалъ спросить мнѣніе офицеровъ о томъ, могутъ ли оправданные по суду оставаться на службѣ, то В. И., хотя и не сомнѣвался въ отвѣтѣ своихъ товарищей, немедленно подалъ въ отставку. Предположенный Бирилевымъ опросъ мнѣній былъ отмѣненъ, но В. И. на службу уже не вернулся.

Выступивъ въ роли безпощаднаго обличителя „порядковъ“ нашего морского вѣдомства, В. И. вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ трилогію: „Расплата“, „Бой при Цусимѣ“ и „Цѣна крови“, гдѣ художественно изложилъ все, чего онъ былъ свидѣтелемъ, т.-е. осаду Портъ-Артура, походъ 2-й эскадры, Цусимскій бой и наконецъ японскій плѣнъ. Эти книги имѣли большой успѣхъ у насъ, но несравненно большій за границей. Въ Англіи „Бой при Цусимѣ“ выдержалъ 4 изданія за полгода. Во Франціи также вышло четыре изданія этой книги. Въ результатѣ книги В. И. оказались переведенными на всѣ европейскіе языки. Въ Германіи ихъ издало морское

министерство, а наше морское министерство... не сочло возможным рекомендовать „Бой при Цусимѣ“ для морскихъ библиотекъ.

Послѣднія свои произведенія В. И. печаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Его мелкія беллетристическія вещи появлялись въ „Нивѣ“. В. И. превосходно владѣлъ стихомъ, и въ „Нивѣ“ же была напечатана еще 15 лѣтъ назадъ его большая поэма „Петропавловскъ“.

До войны В. И. состоялъ сотрудникомъ „Новаго Времени“, гдѣ было напечатано его прекрасное описаніе боя при Таку, очевидно, котораго онъ также былъ. Кромѣ того у насъ были напечатаны его фельетоны о японской поэзіи. В. И. былъ однимъ изъ немногихъ морскихъ офицеровъ, знавшихъ и практически и теоретически японскій языкъ.

В. И. въ своихъ публицистическихъ статьяхъ по морскимъ вопросамъ превосходно дополнялъ г. Брута (Алексѣева). Со смертью В. И. многие изъ нашихъ почтенныхъ „морскихъ дѣятелей“ вздохнуть болѣе легко, но флотъ нашъ искренно пожалѣетъ о понесенной имъ уtratѣ. („Н. Вр.“)

3.

Полина Віардо. †

Скончалась, 89 лѣтъ, Полина Віардо, много лѣтъ бывшая иодругой и, можно сказать, музой Тургенева. Свою артистическую карьеру Віардо начала въ 1840 г. Нѣсколько разъ она пѣла въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Послѣ Віардо осталось большое состояніе. Кромѣ того, остался богатый архивъ писемъ и бумагъ знаменитаго писателя.

Віардо имѣла громадное вліяніе на Тургенева, который несомнѣнно идеализировалъ талантливую, но довольно эгоистичную артистку. Отсылаемъ читателей къ статьѣ Радина „Полина Віардо“ („Дн. Пис.“, 1907, кн. IX).

Полина Віардо.

4.

Элиза Ожешко. †

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна русская корреспондентка посѣтила Ожешко въ ея постоянной „резиденціи“ — Гродно.

Вотъ какъ она описываетъ внѣшность знаменитой романистки:

Невысокаго роста, съ густыми, взбитыми, сѣдыми волосами, съ живымъ, рѣзкимъ, почти мужественнымъ лицомъ и нѣжными бѣлыми руками, на одной изъ которыхъ блестялъ старинный тяжелый изумрудъ, Э. Ожешко въ своемъ глубокомъ старинномъ креслѣ производила впечатлѣніе хозяйки рыцарскаго замка.

Вотъ мѣткая характеристика, съ которою не могутъ не согласиться тѣ, которые умѣютъ за произведеніемъ автора, за идеями, имъ исповѣдуемыми, угадывать его духовный обликъ.

Хозяйка или владѣлица „рыцарскаго“ замка.

Вы чувствуете, какъ въ этомъ опредѣленіи сливаются въ одно — и своеобразная поэзія средневѣковаго быта, и прирожденное сознание сеньоровъ въ превосходствѣ своей наслѣдственной культуры, и великодушное желаніе лучшихъ изъ нихъ искренно облегчить участь тѣхъ, кому судьба опредѣлила болѣе мрачный жребій.

Бывалъ примѣры, что, ополчаясь во имя угнетенныхъ и обиженныхъ противъ интересовъ своего же круга, благороднѣйшіе изъ рыцарской семьи наносили жестошіе удары близкимъ и роднымъ людямъ.

Но никогда этотъ протестъ не принималъ формы дикаго бунта черни, издѣвательства надъ святою святыхъ, надъ честью и личностью обличаемыхъ.

Такова и была Ожешко, женщина-патрицианка по рожденію, женщина съ рыцарской душой, отдавшая всю свою жизнь не людямъ своего сословія, но людямъ, значительно ниже ея стоявшимъ по общественному положенію.

Не алчное стремленіе иныхъ пролетарскихъ вождей, намѣренно или ненамѣренно, создать себѣ личную карьеру, вопія объ обидахъ и тяготахъ „маленькихъ людей“ — руководило Ожешко въ ея писательствѣ, но безкорыстное сердце и просвѣщенный гуманизмъ.

Говоря старымъ терминомъ, Ожешко — обличительница.

Безъ всякаго подчеркиванія чувствуется, что всѣ ея симпатіи на сторонѣ людей, пригнетенныхъ судьбой — бѣлорусскихъ „хлоповъ“, мелкопомѣстныхъ шляхтичей (ничѣмъ не отличающихся отъ простаго крестьянина), полуголоднаго еврейскаго пролетаріата.

Но въ призывѣ писательницы — „и эти даже твои братья!“ — вы никогда не прочтете:

— А потому за историческую несправедливость твоихъ предковъ, въ которой ты неповиненъ, сотри свою личность передъ ними, цѣлуй ихъ ноги и обратись въ ихъ раба!

Братство, а не рабство высшихъ или низшихъ — проповѣдывала писательница въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ.

Какая - то кристальность нравственной красоты, на все отзывчивое, любвеобильное сердце — вотъ, можетъ быть, драгоцѣннѣйшія отличія Ожешко отъ многихъ, даже болѣе сильныхъ талантовъ польской литературы.

Ожешко — это огромный неповторяемый періодъ общественнаго самосознанія Польши, цѣлой смѣны думъ и переживаній польской интеллигенціи.

На что не отзывалась писательница за длительный срокъ своего творчества, какой уголокъ жизни ея родного народа не былъ освѣщенъ ею?

Человѣкъ идеаловъ шестидесятихъ годовъ, она не знала, можетъ быть, даже не чувствовала эпикурейскаго „искусства для искусства“.

На взглядъ банальный и близорукій, то, за что она боролась, что составляло личный ея подвигъ, старо какъ міръ:

Свобода личности, несправедливость сословныхъ дѣленій, терпимое отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ, неизбѣжное торжество прогресса и знанія надъ темными силами и невѣжествомъ, постыдность прожиганія жизни...

Но „истины“ тѣмъ и отличаются отъ „зablужденій“, что онѣ вѣчно юны и привлекательны, когда повторяются человѣкомъ таланта и ума.

Немного знаетъ себѣ соперниковъ Ожешко и по богатству бытового матеріала, съ большой чуткостью и вѣрностью взгляда, собраннаго ею въ своихъ книгахъ.

Въ описанія природы она умѣла вложить интимность и трогательность, неотразимо дѣйствующія на читателя.

Перечислять ли все множество произведеній Ожешко? Вѣдь почти всѣ они въ многочисленныхъ переводахъ такъ же близки русскимъ, какъ подлинники полякамъ.

Симпатія русскихъ читателей къ сочиненіямъ почившей писательницы вѣдъ всякихъ сомнѣній. („Голосъ Москвы“.)

VI.

Охота на лисицъ въ церкви.

20 мая сего года въ выѣздной сессіи минскаго окружного суда, въ городѣ Мозырѣ, будетъ слушаться сенсационный процессъ о кошунствѣ въ православной церкви.

Процессъ этотъ тянется уже нѣсколько лѣтъ и представляетъ собой нѣчто вопіющее.

По этому поводу мы бесѣдовали съ извѣстнымъ юристомъ, приватъ-доцентомъ Б. В. Никольскимъ, который любезно сообщилъ намъ весьма интересныя подробности этого дѣла.

— Какъ гражданскій истецъ, — говоритъ Б. В. Никольскій, — въ настоящее время я близко ознакомился со многими деталями этого возмутительнаго процесса. Могу сообщить слѣдующее. Въ 1905 г. во время рождественскихъ праздниковъ компанія поляковъ-охотниковъ поѣхала охотиться на лисицъ; а онѣ устроили себѣ норы подъ русской православной церковью... Вамъ кажется страннымъ, чтобы лисицы могли жить подъ церковью? Надо вамъ сказать, что во многихъ западныхъ губерніяхъ маленькія деревянныя церкви или часовни весьма часто находятся въ лѣсу... Службы въ этихъ церквахъ происходятъ иногда лѣтомъ, а зимою лишь 2 — 3 раза въ годъ въ большіе церковные праздники... Вотъ та церковь, о которой въ настоящее время идетъ рѣчь, находится именно въ такихъ условіяхъ...

Паны-помѣщики узнали о томъ, что лисицы устроили себѣ норы подъ этой церковью, еще задолго до этой охоты. И рѣшили во что бы то ни стало устроить облаву именно на этихъ лисицъ, находящихся подъ поломъ русской православной церкви...

Съ этой цѣлью поляки во время рождественскихъ праздниковъ направились къ церкви, забили лисья норы, сломали церковный замокъ, вошли въ церковь, ввели сюда собакъ, выломали мѣстами полъ. Испуганныя лисицы выбѣжали изъ своихъ норъ и стали метаться по церкви; здѣсь ихъ ожидали охотники-поляки. Началась травля и стрѣльба по лисицамъ.

Одна изъ лисицъ, раненая, обезумѣвшая отъ страха, стала карабкаться на образъ Спасителя.

Въ это время полякъ Жалковскій открылъ ружейную пальбу по лисицѣ и выпустилъ 22 дробины въ ликъ Спасителя!..

Когда была убита первая лисица, началась охота за другой. Вторая лисица въ это время забралась въ алтарь. Въ алтарь охотники пустили такъ. Постѣ долгаго сраженія съ таксами лисица была растерзана и обрызгала свою кровью алтарь...

Вотъ вамъ та безобразная сцена, которая произошла въ нашей православной церкви...

Вы можете себя представить, въ какомъ видѣ оказался домъ Божій послѣ стрѣльбы охотниковъ по иконамъ и травли лисицъ собаками...

— Было ли это кощунство совершенно случайно въ самозабвеніи или намѣренно?

— Это преступленіе было совершенно несомнѣнно съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ. Планъ охоты, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, былъ предрѣшенъ за нѣсколько дней. Послѣ этой охоты поляки-охотники говорили крестьянамъ, что когда они охотились въ православномъ храмѣ на лисицъ, то знали, что имъ за это ничего не будетъ.

Они издѣвались надъ православнымъ храмомъ, находя, что онъ грязно содержится и т. п.

Паны говорили громко:

— Жаль, что въ Минскѣ такъ мало православныхъ церквей въ лѣсу... Мы еще устроили бы большую охоту на лисицъ...

Вообще за послѣднее время глумленіе надъ православною Церковью въ западномъ краѣ принимаетъ ужасающіе размѣры...

— Помимо всего, — продолжаетъ нашъ собесѣдникъ, — надо признать во всей этой тяжелой исторіи, что отношеніе мѣстнаго земскаго начальника къ этому дѣлу представляетъ также нѣчто возмутительное. Вообразите, этотъ земскій начальникъ разбиралъ это дѣло съ декабря 1905 года до 18 марта 1909 г. и въ концѣ-концовъ призналъ дѣянія обвиняемыхъ *не-преступными* вслѣдствіе того, что обвиненіе было возбуждено лицомъ, не имѣющимъ достаточно полномочій для возбужденія этого процесса...

По мнѣнію земскаго начальника слѣдовало приложить къ обвиненію довѣренность отъ духовной консисторіи, и тогда, пожалуй, можно было бы признать, что эта охота „самовольная“...

Послѣ подобнаго отношенія къ дѣлу со стороны земскаго начальника — правительственнаго чиновника, что же намъ остается ожидать въ недалекомъ будущемъ, когда въ западномъ краѣ будетъ введена земская реформа и все самоуправленіе естественно попадетъ въ руки поляковъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что по протесту прокурора дѣлу все же былъ данъ дальнѣйшій ходъ.

— Этотъ процессъ настолько громкій и вопіющій, — говоритъ Б. В. Никольскій, — что въ настоящее время имъ интересуется даже заграничная пресса... Въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ на дняхъ появятся всѣ возмутительныя подробности этого позорнаго богохульства...

У насъ въ Россіи это дѣло въ самомъ скоромъ времени будетъ освѣщено съ должной точки зрѣнія... Подобнымъ процессомъ русскій юристъ обязавъ заняться не ради какихъ бы то ни было меркантильныхъ интересовъ, а во имя охраны православной Церкви отъ надругательства со стороны иновѣрцевъ... („Земщ.“ В. К—шъ.)

VII.

Безпримѣрный подвигъ нашихъ войскъ.

100 лѣтъ назадъ, 10 марта 1809 года, наши доблестныя войска совершили безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ подвигъ — переходъ черезъ Вотническiй заливъ по льду въ Швецію. Военная исторiя знаетъ еще одно только подобное событiе: движенiе шведскихъ войскъ Карла X черезъ Большой и Малый Бельты въ 1658 году, но тамъ узкiе проливы, а Кваркенъ (такъ называется мѣсто, гдѣ проходили наши войска въ 1809 г.), между Вазою, въ Финляндiи, и Умео, въ Швеци, имѣеть 100 верстъ ширины; пространство ледяного поля между прибрежными островами достигаетъ 60 верстъ, а главное — это то, что наше движенiе было только въ мартѣ мѣсяцѣ, когда ледъ уже не такъ надеженъ; къ тому же постоянно повторяющiеся юго-западные вѣтры нѣсколько разъ въ зиму заламываютъ этотъ ледъ, такъ что войска наши рисковали ежеминутно либо быть ввергнутыми въ морскую глубину, либо оказаться на шведскомъ берегу отрѣзанными отъ пути отступленiя.

Наши „чудо-богатыри“ (Суворовской школы) находились въ этомъ дѣлѣ подъ начальствомъ героя Отечественной войны Барклая де-Толли.

Этотъ геройскiй подвигъ рѣшилъ судьбу длительной шведской кампанiи и обезпечилъ Россiи господство во всей Финляндiи.

Дѣло было такъ.

Шла война Россiи со Швецией. Успѣхи русскаго оружiя привели къ тому, что въ концѣ ноября 1808 г. вся Финляндiя, принадлежащая Швеци, была завоевана. Попытокъ противостоятъ намъ со стороны шведовъ почти не было; ихъ армiя была слишкомъ удручена и подавлена и думала только о томъ, чтобы сохранить возможно больше людей для дальнѣйшей обороны.

Цѣлью нашихъ послѣдующихъ дѣйствiй было сохранить Финляндiю. Положенiе Швеци было крайне тяжелое вслѣдствiе внутренняго разлада и обострившихся отношенiй съ Англiей. Все же король шведскiй Густавъ рѣшилъ продолжать войну и увеличилъ подати, что вызвало сильное неудовольствiе со стороны населенiя. Онъ спрашивалъ Императора Александра I, на какихъ условiяхъ Финляндiя можетъ быть возвращена Швеци, на что послѣдовалъ отвѣтъ: „Финляндiя взята Россiею по праву завоеванiя и жребiю битвы и не можетъ быть возвращена иначе, какъ силою оружiя“.

Швеци, однако, не шла на миръ. Приходилось силою оружiя принудить ее къ заключенiю мира и принять тѣ условiя, которыхъ желала Россiя. Императоръ Александръ I рѣшилъ перенести русскiя знамена на шведскiй берегъ.

Планъ зимняго вторженiя въ Швеци былъ составленъ генер. Каменскимъ и представленъ Государю, при чемъ онъ указывалъ на необходимость перехода по льду и придавалъ наибольшее значенiе переходу черезъ Кваркенъ.

Однако въ дѣйствующей арміи сначала возникло сомнѣніе въ осуществимости этого предпріятія. Но вотъ въ Финляндію прибылъ уполномоченный Императора генераль Аракчеевъ. Въ короткое время онъ сумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія и понудилъ приступить къ скорѣйшимъ сборамъ въ походъ.

Самую трудную и отвѣтственную часть задачи — походъ изъ Вазы на Умео — предстояло выполнить отряду Барклай-де-Толли. Между Вазою и Умео Ботнической заливъ суживается и образуетъ проливъ, называемый Кваркеномъ, шириною около 100 верстъ. Во всю ширину пролива отъ русскаго берега къ шведскому тянется цѣпь изъ небольшихъ, большую частью скалистыхъ, совершенно необитаемыхъ, дикихъ острововъ, разорванная почти по серединѣ, — здѣсь проходитъ главный фарватеръ Кваркена. Лѣтомъ Кваркенъ опасенъ даже для неглубоко сидящихъ судовъ, вслѣдствіе множества отмелей и неровности морского дна. Зимомъ проливъ замерзаетъ, и тогда между обими берегами устанавливается сообщеніе по льду. Но зимній путь еще болѣе опасенъ: невидимыя подъ занесеннымъ снѣгомъ, широкія полынья и трещины во льду постоянно угрожаютъ скрытой отъ глазъ морскою бездною. Случается, какъ это и было въ декабрѣ 1808 года и черезъ мѣсяцъ потомъ, что внезапно налетѣвшая буря взламываетъ этотъ ледяной мостъ и разноситъ его далеко по морю.

Рѣшивъ немедленно итти изъ Вазы въ Умео, при невозможности далѣе медлить, такъ какъ время года заставляло опасаться вскрытія залива, Барклай-де-Толли не дождался прибытія въ Вазу всѣхъ, назначенныхъ ему для перехода черезъ заливъ войскъ и выступилъ съ тѣми, какія при немъ находились, около 3¹/₂ тыс. при 8 орудіяхъ.

Свой отрядъ онъ раздѣлил на 2 неравныя части и меньшую, подъ начальствомъ полковника Фелисова и войскового старшины Киселева съ его удалыми казаками, послалъ впередъ, а съ большею отправился самъ слѣдомъ за ними.

6 марта, подъ снѣгомъ знаменъ, покрытыхъ славою суворовскихъ походовъ, русское войско безстрашно двинулось впередъ и къ вечеру благополучно достигло необитаемаго острова Вальгунта, лежавшаго у самаго пролива Кваркена и на половинѣ всего пути. Здѣсь дана была суточная передышка измученнымъ людямъ, кстаті ужъ подождали и прибытія подводъ, проводниковъ и продовольствія. Такимъ образомъ, день 7 марта отрядъ провелъ на бивакахъ, въ необозримой снѣжной пустынѣ, среди гранитныхъ скалъ, гдѣ не было признаковъ не то что жилья, но и вообще какой бы то ни было жизни.

Въ 5 час. утра слѣдующаго дня, 7 марта, отрядъ тронулся съ Вальсгорна въ открытое море. На первомъ же шагу началась отчаянная борьба съ природою. Свирѣпствовавшая въ декабрѣ жестокая буря, сокрушивъ ледъ, разметала его на всемъ пространствѣ пролива огромными глыбами. Подобно утесамъ возвышались онѣ въ разныхъ направленіяхъ, то пересѣкая путь, то простираясь вдоль по дорогѣ. Издали эти гряды льдинъ походили на чудовищныя волны, мгновенно скованныя лютымъ морозомъ. Приходилось то карабкаться по льдинамъ, то сворачивать ихъ на сторону, то выбиваться изъ глубокаго снѣга, покрытаго обледенѣлой корою, черезъ которую поминутно проваливались люди. Лошади скользили, застѣкали ноги

объ острые края ледяныхъ осколковъ и вязли въ снѣжныхъ сугробахъ. Хотя каждая минута была дорога, но солдатамъ давали частый отдыхъ, ибо они едва могли двигаться отъ изнуренія.

Страшно стѣсняла походъ артиллерія, неимоверныхъ трудовъ стоило передвиженіе орудій по ужасному пути. Къ 8 орудіямъ, поставленнымъ на полозья, отрядили 200 человѣкъ рабочихъ, и, когда тѣ окончательно выбились изъ силъ, вынуждены были бросить пушки назадъ подъ прикрытіемъ резерва. Погода не была противъ насъ: было безвѣтренно и морозъ не превышалъ 15 градусовъ, но у людей ноги костенѣли отъ холода, отъ страшнаго же напряженія головы горѣли и потъ градомъ лилъ съ лица. Съ такими нечеловѣческими усиліями наше войско въ теченіе 12 часовъ едва сдѣлало только 40 верстъ и къ вечеру прибыло на пустынный шведскій островъ Гаденъ, гдѣ свалилось на ночлегъ, даже не разводя бивачныхъ огней.

День 9 марта прошелъ въ небольшихъ стычкахъ со шведскими отрядами, засѣвшими въ лѣсу на соседнемъ островѣ Гольменѣ и въ подготовкѣ къ наступленію, уже на шведскомъ берегу, на крѣпость Умео, гдѣ стоялъ шведскій гарнизонъ подъ начальствомъ гр. Кронштедта.

Какъ громомъ среди яснаго неба, былъ пораженъ шведскій полководецъ невѣроятнымъ извѣстіемъ о появленіи въ виду Умео русскаго войска. Считая, какъ послѣ самъ сознавался, переходъ черезъ Кваркенъ невозможнымъ, онъ такъ растерялся, что въ первыя минуты не зналъ, что ему предпринять. Оправившись, онъ разослалъ во все стороны гонцовъ съ приказаніемъ жителямъ немедленно снѣнить на выручку гарнизона, но было слишкомъ поздно; въ 1 верстѣ отъ Умео уже развѣвались побѣдныя русскія знамена и далеко вокругъ раскатывалось по окрестности могучее русское „ура“. Убѣдившись въ превосходствѣ русскихъ силъ, гр. Кронштедтъ справедливо заключилъ, что разъ русскіе свершили безпримѣрный по трудности и опасности подвигъ, перейдя черезъ Кваркенъ, то, значитъ, они явились на шведскій берегъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ одолѣть непріятеля. Гр. Кронштедтъ отказался отъ бесполезнаго сопротивленія и предложилъ заключить перемиріе.

Въ тотъ же день, 10 марта, побѣдоносное русское войско торжественно вступило въ крѣпость Умео, доставшуюся намъ безъ малѣйшихъ потерь.

Между тѣмъ главныя шведскія силы, подъ начальствомъ ген. Гриппенберга, продолжали уклоняться отъ рѣшительной битвы. Нашъ ген. Шуваловъ послалъ къ Гриппенбергу офицера съ предложеніемъ сдаться, но это предложеніе было отвергнуто шведскимъ военачальникомъ. Черезъ нѣсколько часовъ, однако, Гриппенбергъ измѣнилъ свое рѣшеніе и согласился положить оружіе со всемъ своимъ 7-тысячнымъ отрядомъ. Оказалось, что Гриппенбергъ только что получилъ отъ Кронштедта извѣстіе о занятіи русскими Умео. Эта капитуляція, подписанная въ Каликсѣ 13 марта, имѣла для насъ то значеніе, что съ этого дня было разрушено послѣднее звено, соединявшее Финляндію со Швеціей, такъ какъ послѣ этого въ рядахъ шведскихъ войскъ оставалось уже совершенно незначительное число финскихъ солдатъ.

Черезъ 6 мѣсяцевъ былъ заключенъ, наконецъ, между нами и шведами мирный договоръ, 5 сентября 1809 года, въ гор. Фридрихсгамѣ. Въ этомъ

договоръ относительно Финляндіи, взятой у Швеціи силою нашего оружія, было постановлено: „Губернги сіи... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются...“

Русскимъ людямъ надобно помнить о тѣхъ сынахъ своихъ, которые „полагали души свои за други свои“. Финляндская война 1808—1809 гг. была война за насущные, кровные интересы Россіи. Для достиженія „безопасности граду Петрову“ 100 лѣтъ назадъ кровью и потомъ своимъ наши отважные воины поливали финляндскія дебри и скады, мерзли въ снѣгахъ и льдахъ Ботники. Въ Гельсингфорсѣ предпринято теперь сооруженіе часовни въ память павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество въ эту славную войну, и русскимъ людямъ необходимо откликнуться на это святое дѣло и внести свои лепты на увѣковѣченіе памяти родныхъ героевъ. (Р. Ч.)

VIII.

Полетъ на воздушномъ шарѣ.

Мы бесѣдовали съ В. Н. Козѣвымъ, совершившимъ полетъ на воздушномъ шарѣ Жильбера.

— Вы уже знаете,—началъ В. Н. Козѣвъ,—что шаръ поднялся съ воздухоплавательной выставки, въ Императорскомъ техническомъ училищѣ, въ 5 ч. 25 м. вечера. Когда мы стали отдѣляться отъ земли, меня, да, думаю, и другихъ участниковъ полета, охватило чувство удивленія, недоумѣнія и, пожалуй, нѣкотораго безпокойства. Но это чувство скорѣ насъ оставило, когда мы поднялись на разстояніе 200—250 метровъ. Новая впечатлѣнія необъятнаго совершенно ошеломили насъ.

Казалось, что шаръ стоитъ на мѣстѣ, а отъ насъ удаляется земля. Человѣческія фигуры, большія зданія, церкви и колокольни все становились мельче, и когда мы поднялись на 500—600 метровъ, то весь городъ намъ представлялся въ видѣ какого-то обширнаго муравейника. Рельефы исчезли. Среди миниатюрныхъ улицъ двигались толпы крохотныхъ людей, не больше вершка величиной. Шумъ города съ миллионнымъ населеніемъ доносился до насъ какъ что-то неясное, неопредѣленное. Шаръ летѣлъ, а эти маленькіе, до смѣшного, человѣчки бѣжали за нимъ. Въ хорошей бинокль можно было разсмотрѣть, какъ эти люди-крошки поднимали вверхъ головы, наблюдая за шаромъ.

Вѣтра не было. Въ воздухѣ тихо и прозрачно. Шаръ медленно плылъ по воздушному океану. Иногда мы попадали въ водоворотъ воздуха и описывали зигзаги. Такимъ образомъ мы пролетѣли надъ Вознесенскою улицею, надъ Курскимъ вокзаломъ, Садовою, надъ Варваркою, надъ Красной площадью. Вотъ, узкой стальной лентой вьется рѣка Москва. Оказывается, вода притягиваетъ шаръ—онъ опускается. Мы бросаемъ балластъ—и шаръ снова поднимается. Собственно, впечатлѣніе такое, будто шаръ остано-

вился. И только, когда выбрасываемъ лоскутки бумаги, то узнаемъ, поднимается ли шаръ или опускается. Если опускается, то бумага ракетой взвивается кверху, а если поднимается,— то, наоборотъ, летитъ внизъ. Сбрасываніе балласта производить магическое дѣйствіе на подъемъ шара. Достаточно высыпать нѣсколько совковъ песку,— такъ приблизительно фунтовъ 15—20, чтобы шаръ уже поднялся. А у насъ былъ запасъ балласта—9 мѣшковъ, пуда по полтора. Любопытно, что сверху вода имѣетъ необыкновенно прозрачный видъ. Разстиляется рельефъ дна, замѣтны песчаная отмели, дно изъ мелкихъ камешковъ.

— Съ планомъ въ рукахъ,— продолжалъ В. Н. Козѣвъ,— мы слѣдили за направлениемъ полета. Болото, зданіе электрической станціи, далѣе Дѣвичье поле, Новодѣвичій монастырь, представлявшійся намъ въ видѣ миниатюрной модели, вокзалъ Брянской желѣзной дороги, окружающая дорога, деревня Фили.

Мы уже были на высотѣ 1700 метровъ. Здѣсь уже сказалась высота. На барабанныя перепонки давило. Ощущалась нѣкоторая глухота, но до насъ прекрасно доносился лай собакъ. Когда мы пролетали надъ лѣсомъ, то ясно слышали пѣніе птицъ. Направо, ниже насъ, носились дымчатая облачка. Отчетливо раздавались трели соловья, пѣніе дрозда, несложная пѣсня кукушки. Въ это время насъ охватило чувство безразличія и полного спокойствія. Словно мы сидѣли не въ корзинѣ воздушнаго шара, а въ экипажѣ или на автомобилѣ. Восемь часовъ вечера. Съ нами корзинка съ закускою и винами. Подкрѣпляемся. Въ бинокль видимъ, что внизу какая-то деревушка. Начинаемъ изо всѣхъ силъ кричать, чтобы узнать названіе селенія. Слышимъ отвѣтъ и довольно ясно:

— Р-о-омашково-о...

Летимъ далѣе. Вотъ Кунцево. Запаса газа хватило бы на полетъ въ теченіе 15 часовъ, но шаръ продолжаетъ плыть чрезвычайно медленно. Это утомляетъ, да, наконецъ, устаютъ спина. Сидѣтъ негдѣ. Стоишь въ неудобной позѣ,— вокругъ или мѣшки съ пескомъ или якорь, или болтаются веревки. Начинаемъ думать о спускѣ, рѣшившись предварительно подняться еще выше. Снова бросаемъ балластъ и достигаемъ предѣльной высоты.

Въ 9 ч. 32 м. начинаемъ спускаться. Внизу нестройныя толпы крестьянъ. Бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. Для спуска облюбовали поляну-выгонъ, близъ деревни. Снова земля, опять люди въ нормальную величину, большой зеленѣющій лѣсъ. Сотни глазѣющихъ на шаръ крестьянъ. Просимъ схватить за опущенную веревку. Вначалѣ крестьяне нерѣшительны, затѣмъ стали смѣлѣй. Впередъ одинъ, потомъ другой хватаются за гайд-ропъ. Тянутъ къ лѣсу,— шаръ рискуетъ понасть на деревья. Командуемъ взять въ другую сторону. И шаръ медленно опускается. Прежде всего спрашиваемъ, гдѣ мы. Выясняется, что мы пролетѣли 30 верстъ и спустились въ двухъ верстахъ отъ Юдинской платформы, Брестской жел. дор., близъ дер. Никольское-Лашино.

Крестьяне охотно помогаютъ намъ убрать шаръ, разыскиваютъ подводы. Тутъ же выясняется: они предполагали, что шаръ летитъ безъ людей и откуда-нибудь сорвался. Оказавъ намъ помощь, крестьяне стали

требовать на чай. Маленькое недоразумѣніе. Шаръ опустился ва полявѣ, а они жалуются, что будто бы мы истоптали озими.

— Да какъ же шаръ могъ испортить зелень, разъ онъ опустился на полянѣ? Мужики чешутъ головы.

— Да шаръ-то не потопталъ, а вотъ народъ-то топталъ. Бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, не разбирая, гдѣ зелень. Не летѣлъ бы шаръ и народъ бы не собирался. Все изъ-за него...

Уплативъ имъ деньги, мы на двухъ подводахъ движемся къ станціи. Здѣсь намъ оказалъ горячее содѣйствіе начальникъ станціи и гостившій у него братъ офицеръ. Быстро былъ накрытъ столъ. Пили чай. Съ разрѣшенія начальства на нѣкоторое время задержали поѣздъ, чтобы дать возможность намъ погрузить шаръ. Въ Москву мы прибыли въ 3 часа утра.

В. Н. Козѣвъ съ высоты сдѣлалъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Кромѣ В. Н. Козѣва и воздухоплавателя Жильбера, въ корзинѣ находились еще членъ всероссійскаго аэроклуба г. Трепке и студентъ Императорскаго техническаго училища Игнатовъ. („Гол. Москвы“.)

ВНИМАНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

I.

Отъ Комитета по ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенному 26 апрѣля 1909 года сбору пожертвованій на образованіе фонда имени Ивана Егоровича Забѣлина на сооруженіе зданія для Московскаго Археологическаго Института и при немъ археологическаго музея имени П. Е. Забѣлина.

31 января 1907 года былъ учрежденъ въ Москвѣ Археологическій институтъ, высшее учебное заведеніе, вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣющее своею цѣлью подготовку лицъ обоего пола для должностей въ музеяхъ, архивахъ и бібліотекахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, а равно и научную разработку археологіи, исторіи и археографіи съ ихъ вспомогательными дисциплинами. Курсъ обученія въ Институтѣ трехлѣтній. Въ дѣйствительные слушатели принимаются лица, получившія высшее образованіе; лица же, не получившія высшаго образованія, принимаются въ Институтѣ въ качествѣ вольнослушателей, но съ правомъ держать переходные и выпускные экзамены. Окончившіе курсъ Института, смотря по успѣхамъ и въ зависимости отъ защиты диссертации, получаютъ званія: ученаго археолога или ученаго архивиста и дѣйствительнаго члена Института, окончившаго курсъ, и члена-сотрудника или, наконецъ, окончившаго курсъ института. Въ Институтѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1) первобытная археологія, 2) бытовая археологія, 3) христіанская археологія, 4) общія исторіи искусства, 5) исторія

археологическихъ открытій, 6) исторія греческой архитектуры и античной декорации, 7) исторія итальянскаго искусства эпохи возрожденія, 8) исторія русскаго искусства, 9) исторія русской архитектуры, 10) исторія русскаго языка, 11) исторія русской литературы, 12) славяно-русская палеографія, 13) чтеніе древнихъ рукописей, 14) греческая палеографія, 15) эпиграфика, 16) юридическія древности, 17) исторія учреждений, 18) историческая географія, 19) архивовѣдѣніе, 20) музейвѣдѣніе, 21) библиотековѣдѣніе, 22) дипломатика, 23) геральдика, 24) нумизматика, 25) сфрагистика, 26) метрологіи и хронологіи, 27) генеалогія, 28) этнографія, 29) геологія.

Въ настоящее время въ институтѣ около 300 слушателей. Институтъ содержитсѣ исключительно на плату за слушаніе лекцій и на частныя пожертвованія *) и помѣщается пока въ зданіи Медвѣдниковской гимназіи.

Неимѣніе собственнаго зданія является большимъ неудобствомъ во многихъ отношеніяхъ, почему Совѣтъ Института послѣ смерти своего почетнаго члена и члена-учредителя Ивана Егоровича Забѣдина, желая увѣковѣчить его память, постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійской подписки на образованіе капитала для сооруженія зданія Института и при немъ археологическаго музея имени И. Е. Забѣдина, на что 26 апрѣля и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Полагая, что пріуспѣяніе высшаго учебнаго заведенія, посвятившаго себя изученію родной старины, основаннаго въ сердцѣ Россіи — Москвѣ, дорого всѣмъ слоямъ общества, Комитетъ обращается съ покорнѣйшей просьбой къ вамъ не отказать въ своемъ содѣйствіи по сбору пожертвованій (денежныхъ, а также различнаго рода строительными матеріалами и предметами обстановки для зданія Института и предметами древности вещественными и письменными для музея).

Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять по адресу предсѣдателя комитета, директора Института Александра Ивановича Успенскаго (Москва, Зубовскій бульварь, домъ дворцоваго вѣдомства) или казначея — преподавателя Института генераль-майора Никандра Александровича Маркса (Москва, Большою Власьевскій пер., д. Альбрехтъ).

Предсѣдатель Комитета Александръ Успенскій.

Членъ Комитета, казначей Никандръ Марксъ.

Членъ Комитета, секретарь Н. Высоцкій.

*) Лица, сдѣлавшія по сему подписному листу пожертвованія не менѣе пяти тысячъ рублей, могутъ быть избраны, на основаніи § 13 Высочайше утвержденнаго положенія о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ, въ почетные члены Института, которые, на основаніи § 22, пользуются правомъ ношенія нагруднаго знака. Согласно § 15 того же Положенія почетнымъ членамъ (мужскаго пола) присваивается пятый классъ по должности и пятый разрядъ по шитью на мундирѣ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

2.

Воззвание пріюта св. Вѣры.

Въ Петроковской губерніи пало болѣе всего жертвъ, погибшихъ отъ революціи, при исполненіи обязанностей службы. Убіиства продолжаются и по сіе время среди бѣлаго дня. Большинство вдовъ съ дѣтьми находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; безъ нихъ онъ не могъ бы и стоять. Владѣлецъ усадьбы и каменнаго со службами дома, при станціи Каминскѣ, В. В. Казариновъ, положилъ начало дѣлу призрѣнія этихъ сиротъ. Онъ уступилъ свою усадьбу со всѣми постройками, обстановкою и принадлежностями бесплатно на нѣсколько лѣтъ подъ сиротскій пріютъ, назвавъ его именемъ св. Вѣры, въ память дочери, смерть которой послѣдовала отчасти по причинѣ ужасовъ революціи. Нынѣ въ 29 комнатахъ пріюта призрѣваются 45 сиротъ, но пріютъ можетъ вмѣстить до 120 человѣкъ.

Все оборудованіе пріюта и содержаніе сиротъ, въ ожиданіи посторонней помощи, ведется пока на личныя средства основателя пріюта св. Вѣры, но теперь В. В. Казариновъ, человѣкъ небогатый, очутившись съ семьей въ 45 человѣкъ чужихъ дѣтей на рукахъ и уже истощивъ свои средства, долженъ былъ прибѣгнуть къ кредиту, чтобы не бросать начатое дѣло. Кредитъ достигъ до 8 тыс. рублей, дѣло гибнетъ, и нужна скорая и широкая общественная помощь, чтобы продолжать и развивать дѣло призрѣнія.

Въ пріютѣ преподается грамота и практически: пчеловодство, садоводство, кролиководство, огородничество, столярное мастерство, плетеніе изъ камыша спинокъ и сидѣній для стульевъ, рукодѣліе, кройка и шитье бѣлья и гимнастика.

По достиженіи 15—16 лѣтъ мальчики будутъ пристраиваться въ ремесленныя училища, если пріюту не удастся изыскать средства на учрежденіе своего ремесленнаго или образцоваго хозяйственнаго училища.

Два раза въ недѣлю пріѣзжаетъ для осмотра дѣтей врачъ, а также священникъ для совершенія службъ.

Утнетенная несчастьемъ дѣти, встрѣчая здѣсь ласку, заботу и любовное отношеніе, начинаютъ понемногу оживать, поправляясь вмѣстѣ съ тѣмъ и физически.

В. В. Казариновъ сдѣлалъ все, что могъ; отдачею своего дома и земли сиротамъ онъ лишился арендной платы около 2 тыс. рублей въ годъ, и дальнѣйшее существованіе этого благороднаго и патріотическаго дѣла всецѣло теперь зависитъ отъ отзывчивости русскихъ людей.

Вѣдь отцы этихъ дѣтей, сѣрые, безвѣстные, маленькіе люди, умирая за Родину и Царя, надѣялись не только на актъ милосердія со стороны русскихъ людей, своихъ кровныхъ братьевъ, но и на ихъ справедливость. Они ждутъ ея и теперь изъ загробнаго міра.

Если не изсякло еще чувство національной русской гордости, то оно должно вылиться въ горячей поддержкѣ этихъ обездоленныхъ сиротъ. Эти

сироты особенныя—онѣ оставлены намъ славно погибшими часовыми русской государственности.

Теплое участіе русскаго общества будетъ лучшимъ нерукотвореннымъ памятникомъ безстрашно принесенной ими для Россіи незабвенной жертвы за Родину, Царя и русскую государственность, животь свой положившихъ.

Русская поговорка говорить, что „не строй церковь, а пристрой сироту“.

Если, наконецъ, въ васъ живетъ хотя капля чувства патриотизма, любви къ Родинѣ, то знайте, что необходимо оказать поддержку дѣтямъ тѣхъ, которые погибли за нее, и только тогда вы можете ощутить сознание, что вы истинный сынъ Россіи.

Пожертванія для пріюта св. Вѣры принимаются управленіемъ этого пріюта.

Посылать деньги слѣдуетъ по адресу:

С.-Петербургъ, попечителю и основателю пріюта св. Вѣры, Валеріану Валеріановичу Казаринову, Моховая, 30.

Попечительство пріюта св. Вѣры.

ДОБРЫЕ ХРИСТІАНЕ!

Помогите, ради Христа, построить храмъ во имя св. Николая. Мы бѣдны и нуждаемся въ кускѣ хлѣба. „Милуй нища въ засмѣ даетъ Богу, и рука дающаго не оскудѣетъ“. Бѣдные смолиговскіе крестьяне. Адресъ: Кисляинъ, Волынской губ., причту или церк. старостѣ с. Смолигова.

ВОЗЗВАНІЕ.

Добрые люди! Помогите посылкой легкой бѣднымъ прихожанамъ села Новой Локны, Крапивненскаго уѣзда, Тульской губерніи, построить во имя св. Чудотворца Николая новый каменный храмъ, вмѣсто стараго, деревяннаго ветхаго. О здравіи вашемъ и о упокоеніи вашихъ родственниковъ будемъ всегда молиться предъ престоломъ Всевышняго. Пожертванія адресовать: Почтовое отдѣленіе при сл. Горбачево. Моск.-Курск. ж. д., имѣніе гг. Безобразовыхъ, священнику **Георгію Красногѣвцеву** или церковному старостѣ **Михаилу Иванову Гоголеву**.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

(Отвѣты Редакціи и Конторы.)

Не будутъ напечатаны Стихи А. Д.; „Со стройныхъ кленовъ и березъ“... — Ив. Бѣл—ова; „Къ поэзи“... — А. Балашова; Веселицъ — аго; Н. Гибад—ва; „Звѣздъ лучистыхъ переливы“... — М. А. Горд—ева; Н. Н. Иванова; Кучукова; Ник. Мезько; П. Морд—ва; Веселнй закатъ—О. О. Пест—рева; П. Н. Ром—яки; Е. Э. Рих—ръ; В. Рыж—ва; Севастьянова; „Я знаю край, гдѣ вѣчно льды не таютъ“ — П. Семенова; Валерьяна Тарн—скаго; Ив. Усп—скаго; Д. Оедорова. Статьи: Провинціальная картинка (съ дороги) — С. Ар—скаго; Подъ новый годъ — П. Бѣл—ова; Современная задача народн. школы — С. Брон—цаго; Канунъ праздника (маленькій фельетонъ) — М. Вик—ова; Воробей. Изъ дѣтск. восп.—А. Н. Дур—ово; Последнее прости — Варв. Ел—ской; Повѣсть (безъ заглавія) — Ив. Кр—снаго; Не уйдешь. Разсказъ — А. С. Лив—кова; Въ часы досуга — Ф. М. Мал—ова; Разпосчнкъ Юрка. Эскизъ—Б. Най—ина; Маурика—Ней—рта; Ко Христу бы за наукой—С. Г. Саид—нева; Въ посту — Ал. Фл. Собо—ва.

Нохтуйскъ, Клеймихелю. Стихи не пойдуть. (Рукоп. высылаются обратно заказомъ, приславшимъ на пересылку марки.)

Старо-Быховъ — Бородичу. Конт. журн. „Свѣточъ“ и „Дв. Писателя“ увѣдомляетъ васъ, что мартовская книга вамъ послана 6-го марта, на что у насъ имѣется почтовая накладная. Потрудитесь взять удостовѣреніе изъ почтового отдѣленія въ Старо-Быховѣ о неоплученіи журнала и переслать намъ. Мы напишемъ жалобу о недоставкѣ журнала.

Секретарь редакціи **М. Орѣшника.**

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Свѣточа и Дневника Писателя.

СОДЕРЖАНІЕ

Апрѣльской и Майской книгъ — 1910 г.
„Душеполезнаго Чтенія“.

Апрѣль.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО. (Съ картины Гофмана.) Рисунокъ. — ПИСЬМА ЕПИСКОПА ФЕОФАНА КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ПРОТОІЕРЕЮ В. П. НЕЧАЕВУ (ВПОСЛѢДСТВІИ ЕПИСКОПУ ВИССАРИОНУ) 1872—1892 г. — ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока.) А. І. — ХРИСТИАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскаго. — ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ, ВЪ СКОРБЯХЪ БОДРЫЙ ДУХОМЪ. Свящ. Г. Н. Корсуна. — ВЪ ГОСТЯХЪ У ИСКОВИЧЕЙ. (Путевые наброски и впечатлѣнія.) Павла Россіева. — ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ХРИСТИАНСТВУ. Свящ. М. Ѳ—скаго. — ПОДЪ ТЕРНОВЫМЪ ВѢНЦОМЪ. Стихотвореніе. Автора: Молитва Сурофиникіянки, Двѣ трапезы, Божіе посѣщеніе и проч. — ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Односторонне. „Воскресни, Боже!“. Свящ. Н. Орлова. — БОГОЧЕЛОВѢКЪ. Стихотвореніе. Автора: Молитва Сурофиникіянки, Двѣ трапезы, Божіе посѣщеніе и проч. — ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Свящ. Н. А. Колосова. — 1) НА МЫСЛЬ СВ. МАКАРІЯ ЕГИПЕТСКАГО. 2) АД ПОМІНЕМ... Стихотворенія. В. К. Нелзвецкаго. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ. А. Красева. — СЕМЕЙНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ПРОТОІЕРЕЯ АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА ЛЕБЕДЕВА. (Съ приложеніемъ его портрета.) Сообщила Е. А. Л. — „ЛЮБОВЬ ПОВѢДИЛА“. (Разсказъ.) Ив. Попова-Пермскаго. — ВЪ ОЖИДАНІИ СВ. ПАСХАЛЬНЫХЪ ДНЕЙ. Стихотвореніе. І. Евѣмїя. — ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Перенесеніе св. мощей препод. Евфросинїи. П. Россіева. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Май.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО. Сообщила Ан. Титовъ. — ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока.) А. І. — ПИСЬМА ЕПИСКОПА ФЕОФАНА КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ПРОТОІЕРЕЮ В. П. НЕЧАЕВУ (ВПОСЛѢДСТВІИ ЕПИСКОПУ ВИССАРИОНУ) 1872—1892 г. — ВѢТХОЗАВѢТНОЕ УЧЕНІЕ О ТВОРЕНІИ МИРА. Ив. Николаина. — ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ХРИСТИАНСТВУ. Свящ. М. Ѳ—скаго. — ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. На путѣ къ праведности. Къ тѣмъ, кто ищеть религіознаго пониманія жизни. Свящ. Н. Орлова. — ХРИСТИАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскаго. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ. А. Красева. — ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ, ВЪ СКОРБЯХЪ БОДРЫЙ ДУХОМЪ. Свящ. Г. Н. Корсуна. — ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. Свящ. Іоанна Утѣхина. — ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. „Интернациональная богословская библиотека“. Свящ. М. Ѳ—скаго. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Толмачевскій пер., противъ церкви св. Николая.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„Национализмъ и Прогрессъ“

Выпустило въ свѣтъ новыя книги
и брошюры:

- 1) „Къ вопросу о 96 статьѣ основныхъ Государственныхъ законовъ“. Члена Государствен. Думы И. И. Дмитрюкова. Цѣна 15 коп.
- 2) „Разрѣшеніе земельного вопроса“. Члена Государственной Думы К. Ладомирскаго. Цѣна 20 коп.
- 3) Государственная Дума и Государственная Оборона. Ближній. Цѣна 80 коп.
- 4) Упрощенный самоучитель полевой оптической сигнализациі по азбукѣ Морзе. М. Е. Бархатова и В. В. Функе. Цѣна 15 коп.
- 5) Сборникъ повѣстей и разсказовъ. П. Краснова.
I томъ цѣна 1 руб.
II томъ „ 1 „
- 6) „Какъ любятъ женщины“. С. С. Цѣна 1 р. 50 к.
- 7) „Таинственный незнакомецъ“. Иллюстрированный романъ, переводъ съ французскаго.
- 8) „Унтеръ-офицерскія бесѣды съ солдатами“. Въ стихахъ. А. В. Скрипицына.

**Продаются во всѣхъ крупныхъ книжныхъ
магазинахъ.**

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ:

С.-Петербургъ, Пантелеймоновская ул., д. № 7, кв. 7. Телеф. 39-71.

Москва, Большая Прѣсенская ул., д. № 28, кв. 20. Телеф. 249-35.

Сочиненія А. В. КРУГЛОВА.

(Для взрослыхъ.)

МОЖНО ВЫПИСЫВ. ИЗЪ ВСѢХЪ СТОЛИЧН. КН. МАГАЗИНОВЪ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Живыя души. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. Въ 2-хъ томахъ (т. I: „Герои“, т. II: „На чужомъ полѣ“). Ц. каждаго тома 1 р.

Свои-чужие. Романъ. Ц. 1 р.

Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Вчера и сегодня. Повѣсти и рассказы. Издание 2-е. М. Ц. 1 р.

Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изданіе 3-е. Ц. 1 р.

Господа-земцы. Очерки и картинки. Ц. 75 к.

Провинціальныя корреспонденты. Повѣсть и рассказъ. Ц. 75 к.

Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Рассказъ. Ц. 15 к.

Совѣсть проснулась. Рассказъ. Изд. 3-е. М. Ц. 15 к.

Немудрое счастье. Романъ. Изд. 2-е. М. Ц. 1 р.

Кто виновникъ убили женской души? Этюдъ. М. Ц. 20 к.

Литература „маленькаго народа“ Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. 2 вып. М. Ц. каж. вып. 85 к.

Стихотворенія. Съ портр. и факсимиле автора. Изданіе второе. М. Ц. 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 25 к.

Старь и новь. Повѣсти, очерки и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Господа-крестьяне. Деревенскіе силуэты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчевой городъ. Изд. 2-е. М. Ц. 50 к.

Женскій Авоентъ. Очерки историческаго угла. Изд. 2-е. М. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Домна-ректорша. Повѣсть. Изд. 3-е. М. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Страшный дядя. Рассказъ. М. Ц. 15 к.

Веселыя похороны. Романъ. М. Ц. 1 р.

Какъ отдыхалъ Иванъ Ивановичъ. Повѣсть. М. Ц. 50 к.

Старички. Рассказъ. М. Ц. 15 к.

Чудесная свѣча. Сказъ. М. Ц. 15 к.

Нищие-богачи. Рассказы. М. Ц. 50 к.

За сестру. Рассказъ. М. Ц. 15 к.

Старцы Филимоны. Рассказъ. М. Ц. 15 к.

Высокій гость. Повѣсть. Ц. 35 к.

Любовь и Истина. (Духовные мотивы). Стихотворенія. Изд. 2-е. М. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Вселенскіе учителя:

I. Василий Великій. Изд. 2-е. М. Ц. 30 к.

II. Григорій Богословъ. Изд. 2-е. М. Ц. 25 к.

III. Іоаннъ Златоустъ. Изд. 2-е. М. Ц. 45 к.

Св. Николай Чудотворецъ. Изд. 2-е. М. Ц. 25 к.

Изъ дневника православнаго мірянина. М. Ц. 30 к.

Кронштадтскій пастырь. Очеркъ. М. Ц. 25 к.

Запросы духа. Размышленія православнаго мірянина. Спб. Ц. 50 к.

Задуманныя рѣчи. Бесѣды, странички изъ дневника и очерки. Спб. Ц. 50 к.

Въ чемъ счастье. Этюдъ. Ц. 10 к.

Въ Чайномъ царствѣ. Очерки китайской жизни. Ц. 1 р. (Подъ псевдонимомъ Амфилохій Устюжанскій).

Три. Бытовые очерки. А. Н. Догановичъ. Ц. 40 к.

Открыта подписка
на 1910 годъ
(5-й годъ изданія)

„ГОЛОСЪ САМАРЫ“

ежедневная, кромѣ послѣпраздн. дней, умѣренно-прогрессивная, независи-
мая, политическая, литературная, общественная и экономическая газета.
Составъ сотрудниковъ пополненъ. Кромѣ того, редакция завязала сношенія
въ уѣздныхъ городахъ, жизнь которыхъ также будетъ возможно всеосто-
ронне представлена. Къ услугамъ „Г. С.“ имѣются въ настоящее время
корреспонденты въ столичныхъ центрахъ, а также и въ ближайшихъ
крупныхъ провинціальныхъ городахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ на годъ—6 р., на полгода—3 р. 5 к.,
3 мѣс.—1 р. 55 к., 2 мѣс.—1 р. 5 к. и 1 мѣс.—55 к. Для
иностранцевъ: на годъ—7 р., на полгода—3 р. 60 к., 3 мѣс.—1 р.
85 к., 2 мѣс.—1 р. 25 к. и 1 мѣс.—65 к.

Редакция и Контора газеты помѣщаются въ домъ Киселева,
Саратовская ул., № 53.

3—2.

Редакторъ-издатель **С. А. Богушевскій**.

„РУССКІЙ СЪВЕРЬ“

Ежедневная газета. Пре-
должается подписка
Издается въ г. Вологдѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	4 р. 80 к.		На 6 мѣс.	2 р. 90 к.
„ 11 мѣс.	4 „ 50 „		„ 5 „	2 „ 50 „
„ 10 „	4 „ 20 „		„ 4 „	2 „ — „
„ 9 „	3 „ 90 „		„ 3 „	1 „ 50 „
„ 8 „	3 „ 60 „		„ 2 „	1 „ — „
„ 7 „	3 „ 30 „		„ 1 „	— „ 60 „

Подписка принимается только съ 1 числа каждого мѣсяца.

Адресъ: г. Вологда, В. Обуховская, д. Скородумова.

3—3.

Редакторъ-издательница **М. Н. Барачъ**.